

вянная рукоятка. Меня боковые пластинки, отгибают кромки необходимой ширины. Скажем, для того чтобы соединить два листа, у одного из них нужно отогнуть кромку шириной 6 мм, а у другого — 12 мм. Соответственно и боковые пластинки должны выступать относительно средней именно на эти величины.

Для нанесения различных разметочных рисок при раскрое листового металла используют чертилки, изготовленные из стальных спиц или же пришедших в негодность надфилей (рис. 42, д).

Кроме перечисленных инструментов, применяются и мерительные: угольники, линейки и циркули.

Фальцевые соединения. Шов, полученный при соединении двух металлических листов, при-

нято называть фальцем. Фальцы бывают лежачими, стоячими и угловыми. В зависимости от сложности их изготовления, они могут быть простыми и двойными. Чаще всего применяются простые — *одинарные*, но в тех случаях, когда требуется особая прочность соединения, делают *двойные* фальцы.

Чтобы набить руку в изготовлении различных типов фальцев, используют всевозможные обрезки кровельного железа и даже жесть от консервных банок. Сгибать кромки можно также с помощью деревянной киянки. Но для этого на краю верстака или стола нужно прикрепить шурупами стальной уголок (рис. 42, ж). Лист или его обрезок кладут на верстак так, чтобы риска, проведенная на нем вдоль края, совпа-

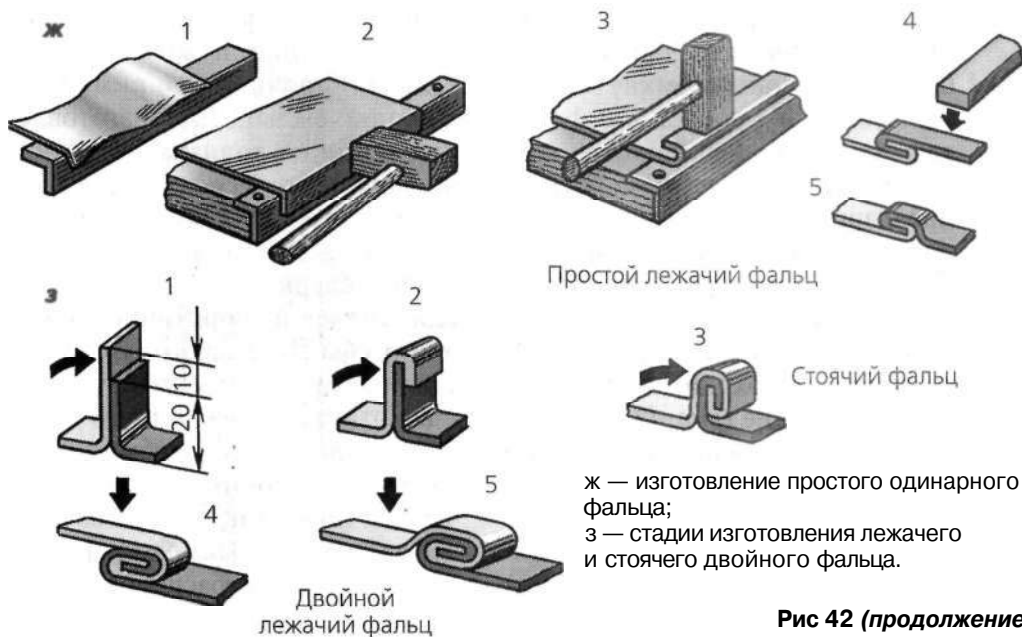

Рис 42 (продолжение)

ла с ребром уголка. Двумя сильными и точными ударами киянки кромку отгибают сначала на противоположных краях листа, а затем и посередине (*рис. 42, ж 1*). Лист, отогнутый в трех местах, более надежно фиксируется в заданном положении. Такие отгибы кровельщики называют *маячными*. После выполнения маячных отгибов кромку отгибают уже не спеша по всему краю листа (*рис. 42, ж 2*). Когда кромка окажется под прямым углом к листу, его переворачивают и *сваливают* киянкой кромку, то есть сгибают ее так, чтобы она оказалась параллельной плоскости листа (*рис. 42, ж 3*). Между листом и отогнутой кромкой должен оставаться зазор, достаточный для того, чтобы в него можно было бы просунуть кромку другого листа. Таким же способом отгибают и заваливают кромку второго листа и заводят ее за кромку первого (*рис. 42, ж 4*). Однако полученный таким способом замок легко разомкнуть. Чтобы этого не произошло, фальц тщательно проковывают, а затем на уголке *подсекают* молотком, предварительно положив сверху ровную металлическую планку. После подсечки фальца соединенные листы окажутся в одной плоскости, и, чтобы отделить их друг от друга, необходимо довольно большое усилие (*рис. 42, ж 5*). Как уже говорилось, двойные фальцы намного прочнее одинарных. Они бывают двух видов: стоячий и лежащий. Выполняют такие фальцы в следующей последовательности. Вначале отгибают

на краях листов кромки. При этом у одного из соединяемых листов отгибаемая кромка должна быть шире, а у другого — уже (*рис. 42, з 1*). Затем кромки прижимают друг к другу и край более широкой из них огибают вокруг узкой (*рис. 42, з 2*). Полученный фальц уплотняют и сгибают одновременно обе кромки (*рис. 42, з 3*). Фальц уплотняют, подставив сбоку металлическую планку. Такие фальцы называют стоячими, их используют при покрытии листовой сталью скатов крыши, для которой необходима не только прочность, но и жесткость фрагментов кровли. Стоячий фальц легко можно превратить в лежащий, свалив его на одну сторону (*рис. 42, з 4*), а затем выполнив с помощью стальной планки и молотка подсечку (*рис. 42, з 5*).

Мастер выбирает тот или иной вид фальца, исходя из практической целесообразности. Там, где, по его мнению, нужна дополнительная прочность, применяют двойной фальц. Для изготовления дымохода, колпака и воротника чаще всего используется одинарный фальц. Кроме того, отдельные детали соединяют с помощью клепки.

Изготовление воротника дымоходной трубы. Надевать на трубу металлическую «одежку» начинают с воротника. Прежде всего необходимо добиться, чтобы дождевая вода не проникала по трубе на чердак. Воротник состоит из двух частей, так называемых фартуков — нижнего, расположенного на скате крыши ниже трубы, и,

соответственно, верхнего, укрепляемого выше за трубой. В свою очередь каждый из фартуков состоит из трех частей, соединенных друг с другом с помощью фальцев. Детали фартуков изготовляют на основе точных измерений ствола готовой трубы (рис. 43, а). Путем обмеров устанавливают размеры сечения трубы плоскостью крыши. Также измеряют угол наклона крыши относительно вертикальных ребер трубы (рис. 43, б). На основании полученных размеров вычерчивают развертки деталей. А поскольку

труба трубе рознь, на наших чертежах указаны лишь постоянные при изготовлении фартуков любых видов кирпичных труб. Так, например, у нижнего фартука предусматривают перехлест шириной 20 см.

Готовые фартуки устанавливают на крыше в следующем порядке. Сначала крепят нижний фартук с таким расчетом, чтобы он находился на ниже лежащий лист кровли не менее чем на 20 см, а затем устанавливают верхний фартук, который своими нижними краями должен находить на края ни-

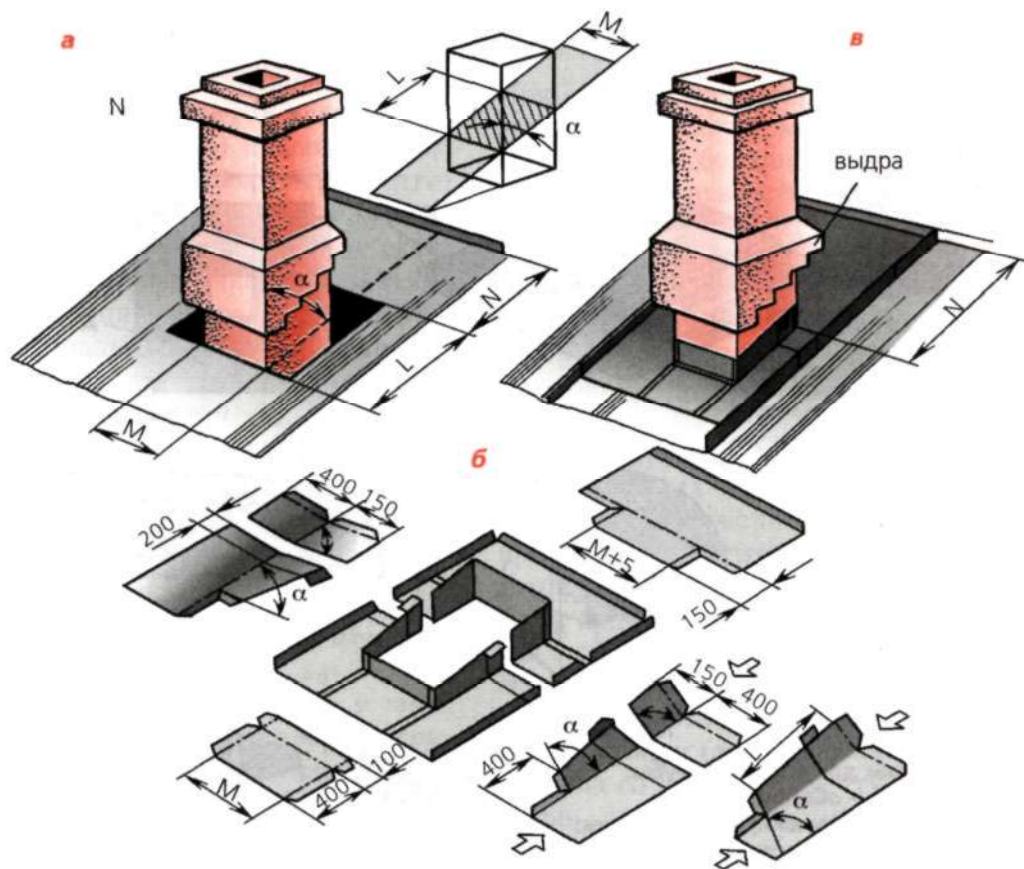

Рис. 43

товления шаблонов и лишь только после этого накладывают их на листовую металл и обводят чертилкой. Одновременно наносят риски, служащие ориентиром при отгибании кромок. Затем детали вырезают и приступают к их сгибанию. Прежде всего нижние края боковин изгибают так, чтобы получился выступ, отходящий в сторону не менее, чем на 15 мм (рис. 44, е). Так как этот выступ предназначен для отвода от трубы дождевых капель, его называют *капельником*. Затем боковины изгибают под углом, установленным с помощью примерки их к оголовку. Достаточно установить угол сгиба лишь одной детали, чтобы у трех остальных сделать точно такой же угол между ободками (рис. 44, б) и скатами (рис. 44, в). В последнюю очередь отгибают кромки. У ободка кромки сгибают под углом 45° , а у ската примерно под углом 60° . Для соединения деталей используют специальный *угловой фальц*, отличающийся предельной простотой (рис. 44, ж 1—3). После того как боковины будут собраны в единое целое, их соединяют также с крышкой с помощью углового фальца.

Когда ствол трубы и оголовки надежно защищены от дождя, неплохо позаботиться о том, чтобы влага не попадала в трубу, то есть изготовить из кровельного железа специальный дымник.

Дымники очень разнообразны по форме и конструкции. Задача мастера состоит прежде всего в том, чтобы определить, какой тип дымника более подходит для определенной трубы и определенного строения.

Дымники со сводчатой крышей.

Наиболее простые дымники, защищающие трубу от попадания в нее дождя и снега, имеют сводчатую крышу (рис. 45).

Простой дымник состоит из пяти очень простых деталей: прямоугольного листа, согнутого дугой, и четырех стоек.

Прямоугольную развертку вырезают с таким расчетом, чтобы она с достаточно большим запасом перекрывала отверстие в трубе. По краям сводчатой крыши можно сделать простейшее традиционное украшение. Для этого на двух противоположных краях листа выполняют на одинаковом расстоянии друг от друга небольшие надрезы, слегка наклоняя их то в правую, то в левую сторону (рис. 45, а). На углах прямоугольника с помощью заклепок прикрепляют четыре стойки, изготовленные из стального уголка. Если подобрать такие уголки не удалось, их изготовляют из нескольких слоев кровельной стали (рис. 45, б). После того как развертка крыши будет надежно соединена со стойками, ее сгибают дугой. Затем кровельными клещами или плоскогубцами трапециевидные пластинки поочеред-

но отгибают то в одну, то в другую сторону (рис. 45, в). Каждый отогнутый элемент располагают под прямым углом к поверхности сводчатой крыши. Полученный таким образом простейший узор очень выразительно смотрится на фоне светлого неба. Именно это обстоятельство, а также простота исполнения сделали этот вид дымохода популярным у народных мастеров. Довольно часто сводчатую крышу дымохода венчали силуэтные изображения человеческих фигурок, а также зверей и птиц, среди которых наиболее популярным был петух, символизирующий время.

Все дымоходы, в том числе и со

сводчатой крышей, обычно прикрепляют с помощью заклепок (рис. 45, г) к колпаку трубы (рис. 45, д), а также к его кромкам, отогнутым внутрь трубы. Стойки дымохода загибают так, чтобы их концы с просверленными или прибитыми загоня отверстиями плотно прилегали к кромкам дымового отверстия в колпаке. Колпак с крышей надевают на верх трубы, сажают на раствор и закрепляют в нескольких местах штырями или длинными гвоздями. Обычно сводчатая крыша не мешает, когда возникает необходимость почистить трубу. Тем не менее клепки, соединяющие две соседние стойки с крышей дымо-

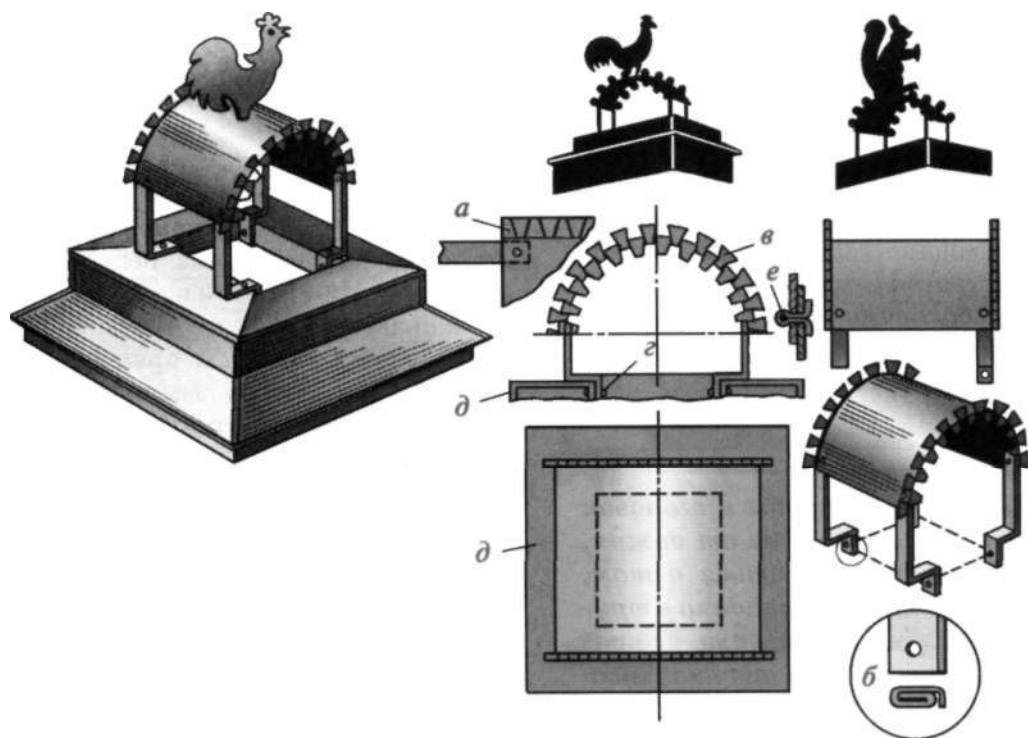

Рис. 45

ка, можно заменить на болты с гайками. Во время чистки болты вывинчивают и отводят сводчатую крышу в сторону.

Дымники с шатровыми крышами. Подобные дымники чаще всего называют зонтиками, поскольку они действительно напоминают раскрытые над трубой зонтики (рис. 46).

Зонтики могут быть как коническими, так и пирамидальными.

Развертка пирамидальных зонтиков состоит из четырех равнобедренных треугольников (рис. 46, а). Чем уже основание этих треугольников, тем круче будут скаты у зонтика. По краям развертки оставляют кромки, которыегибают и проковывают. Иногда в оставленные кромки закатывают проволоку толщиной 3—4 мм (рис. 46, б). Это способствует уплотнению краев и делают конструкцию более жесткой. Готовую развертку укладывают на верстак и с помощью киянки проковывают ребра (ОК, ОЛ, ОМ). Разверткугибают и соединяют простым лежащим фальцем (рис. 46, в). К каждому из четырех скатов приклепывают стойку, которую в свою очередь крепят в трубе с помощью металлических штырей или длинных гвоздей. Иногда наверху зонтика укрепляют флюгер, к стойкам крепят сетку или ажурную загородку, чтобы защитить трубу от попадания в нее птиц и осенних листьев.

Над круглыми металлическими трубами обычно устанавливают конические зонтики. Чтобы построить развертку зонтика, имеющего небольшую конусность, на листе кровельной стали чертят круг (рис. 46, г). Через его центр проводят две взаимно перпендикулярные осевые линии. Ножку циркуля ставят в одну из точек пересечения этих линий с окружностью (О). Затем раствором циркуля, равным радиусу, делают на окружности засечку. Полученную точку Б соединяют с центром. Сегмент АОВ будет равен $1/12$ части круга. Если же желают сделать конус более крутым, то сегмент должен быть равным $2/12$ частям круга. Чтобы получить из развертки конус, сегмент вырезают, но не полностью, а оставив две кромки для фальцевого соединения. К вершине конуса прибивают гвоздем выточенную из дерева маковку, придающую дымнику законченный вид.

Дымники с четырехщипцовой крышей. Дымник, крыша которого имеет четыре щипца, или фронтона, отличается особой декоративностью и выразительностью силуэта (рис. 47). Украшенный деталями из просечного железа, он напоминает сказочный теремок. Чтобы изготовить дымник с подобной крышей, необходимо вырезать из кровельной стали две заготовки. Одна из них, более крупная, представляет собой равносторонний треугольник (рис. 47, а). Через его центр из вершины проводят риски — линиигиба заготовки. Через одну

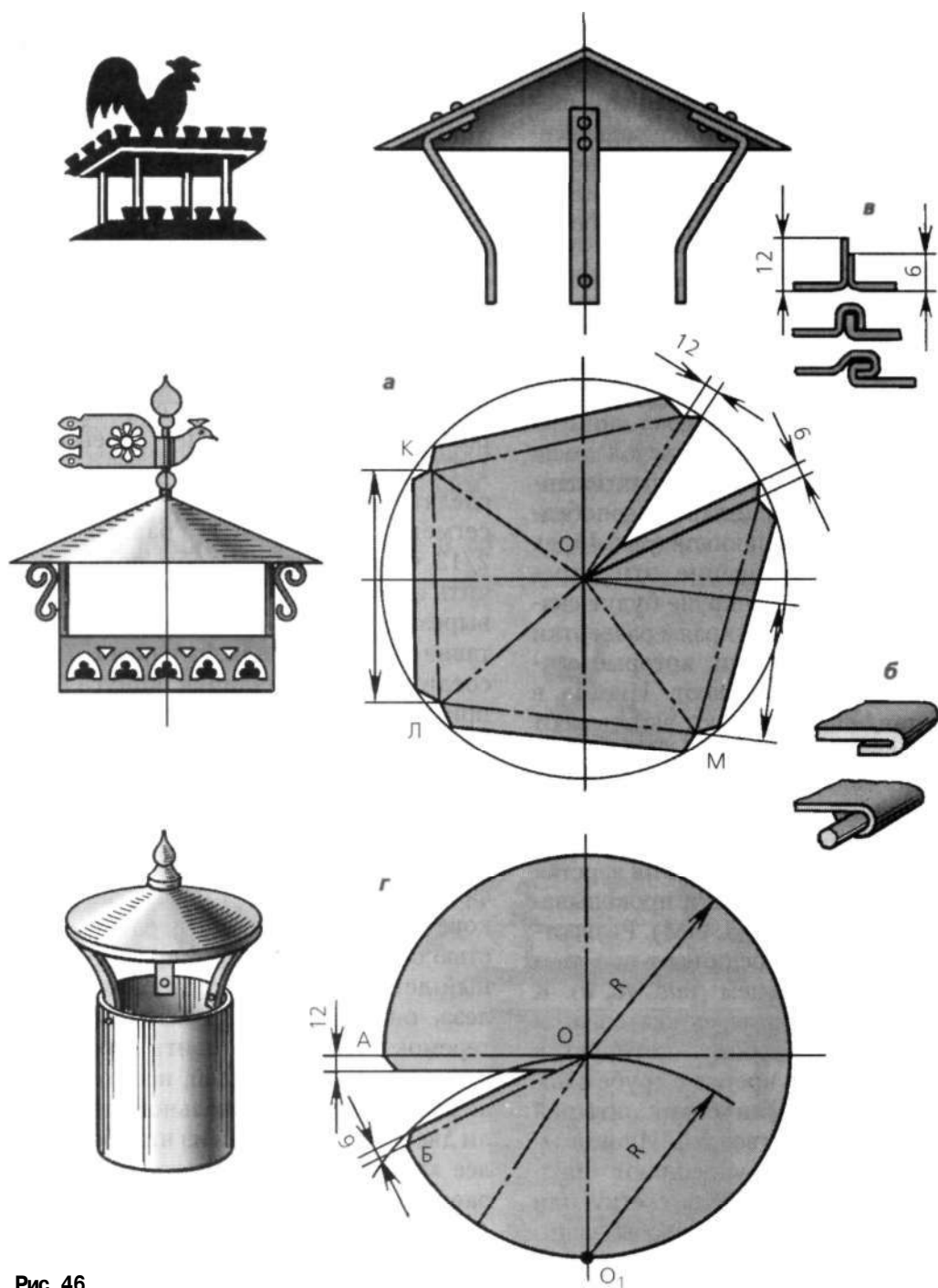

Рис. 46

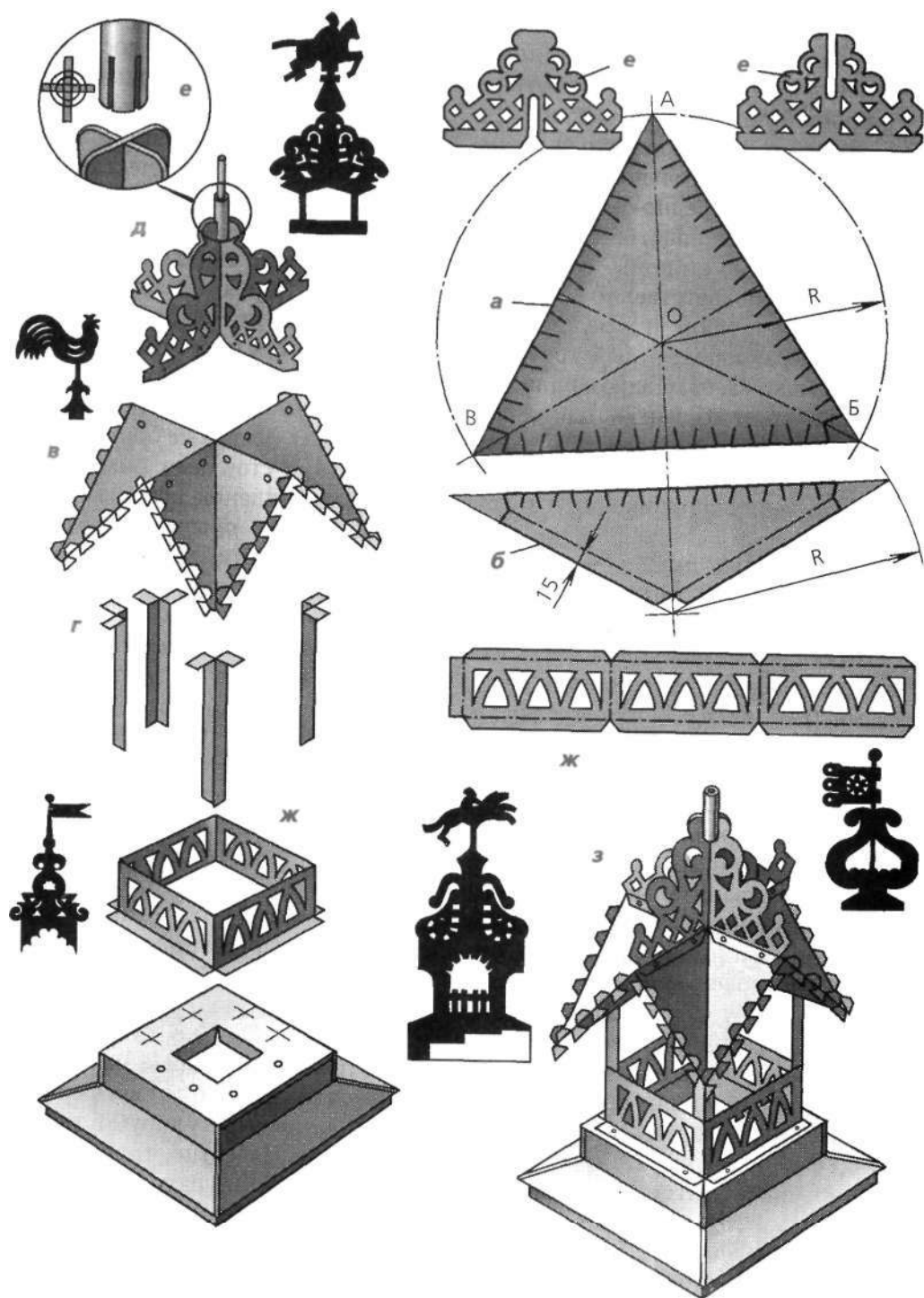

Рис. 47

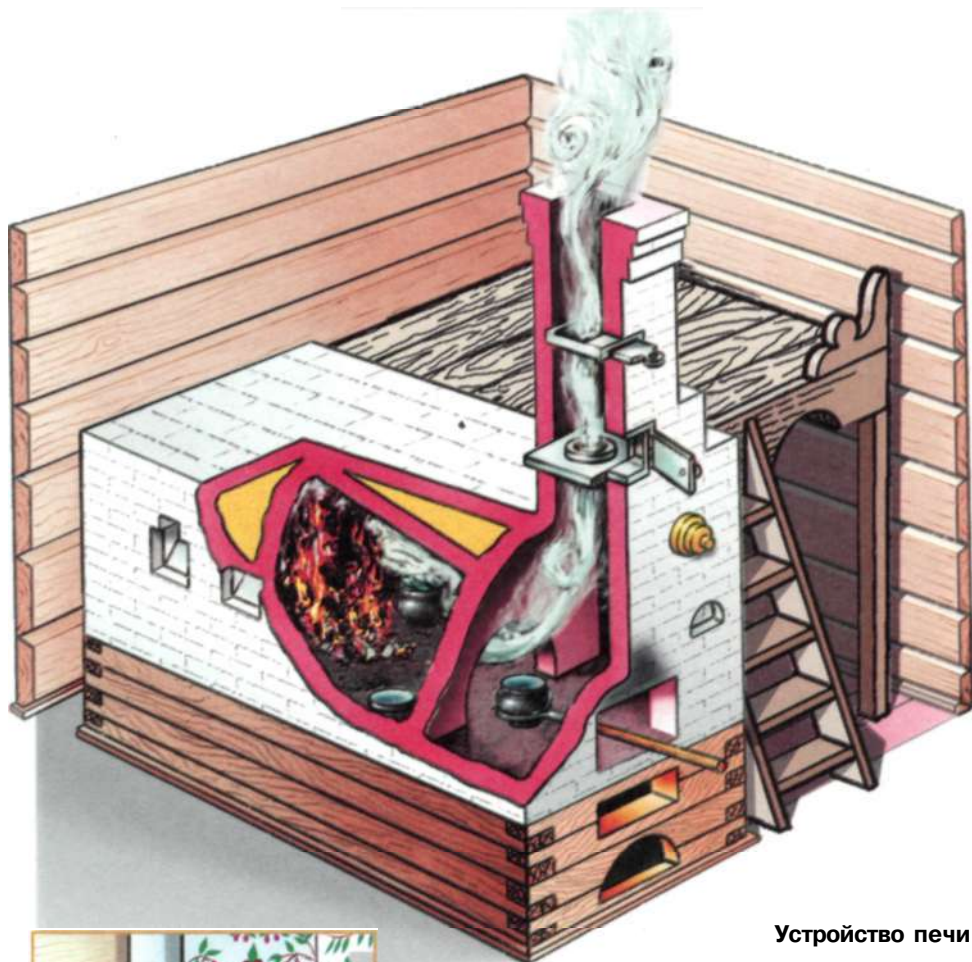
из вершин треугольную заготовку разрезают по прямой линии до центра. Края украшают таким же простейшим узором, как и сводчатую крышу. То есть края надрезают предварительно ножницами, а затем поочередно отгибают трапиевидные пластинки в противоположные стороны. Вторая заготовка соответственно в три раза меньше первой и представляет собой равнобедренный треугольник (рис. 47, б). Надрезы для узоров делают только на одной стороне, а с двух других оставляют кромки, предназначенные для скрепления заготовок друг с другом.

На верстаке, имеющем металлический уголок, заготовки сгибают киянкой точно по нанесенным на металле рискам. Края заготовок совмещают и скрепляют клепками (рис. 47, в). К готовой крыше прикрепляют заклепками четыре стойки (рис. 47, г), а сверху — ажурные гребни (рис. 47, д). Верх гребней скрепляют замком из металлической трубки, вдоль которой предварительно пропиливают крест-накрест два паза одинаковой глубины. Надетая на вершину пересекающихся гребней, трубка не только надежно стягивает их, но при необходимости может служить также основанием для укрепления на крыше дымника флюгера или просто какой-либо фигурки (рис. 47, е).

Обычно у готового дымника к стойкам прикрепляют ажурные бортики (рис. 47, ж). Их можно сделать из одной, двух или четырех заготовок: все зависит от того,

есть ли в распоряжении мастера лист кровельной стали достаточной длины. Если заготовка всего одна, то достаточно лишь одного фальцевого соединения. При двух заготовках количество соединений удваивается. На худой конец, заготовок может быть четыре, то есть столько, сколько бортиков. Перед тем как соединить заготовки между собой, на них наносится просечной узор (о технике выполнения такого узора подробно рассказано в конце этого раздела). Ажурные бортики соединяют со стойками дымника с помощью заклепок, которые можно сделать из обычных гвоздей. Готовый дымник соединяют с колпаком оголовка и крепят вместе с ним на трубе (рис. 47, з).

Ветрозащитные дымники. До сих пор речь шла о дымниках, основное назначение которых — защищать трубу от попадания в нее дождя и снега. По сути дела, эти простейшие приспособления было бы более справедливо назвать не дымниками, а дождевиками или снеговиками. Но, вероятно, когда давалось это название, учитывалось не функциональное назначение, а то, что находится дымник в клубах густого и горячего дыма. Однако существуют конструкции, которые не только уберегают трубу от атмосферных осадков, но и регулируют тягу в дымоходе. Известно, что сильный ветер может задувать в трубу, давя на выходящие из нее горячие газы. При этом тяга резко падает, часть дыма из топливника не попадает в трубу, а захлестывает за

Устройство печи

Печная роспись

Дымник

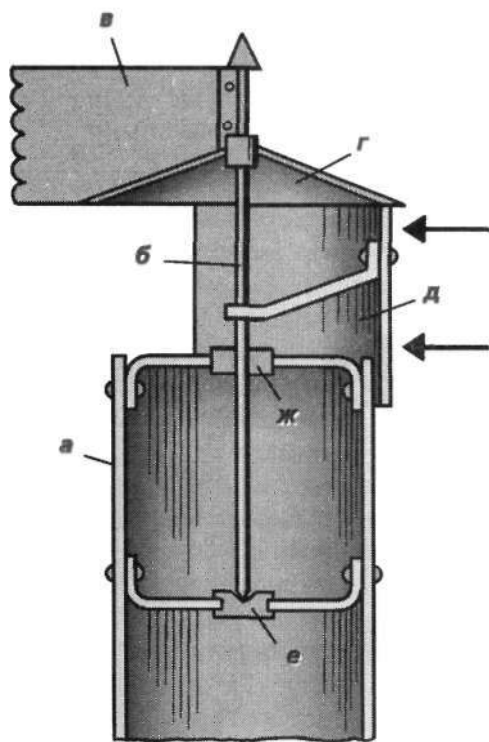

Печь, облицованная рельефными изразцами.
80-е гг. XVII в. Музей-заповедник "Коломенское"

чело печи и проникает в помещение. Если же на пути ветра около трубы установить преграду, то прежняя тяга восстановится. Но ветер даже в течение одного часа может несколько раз менять направление. Следовательно, и преграда, защищающая трубу от ветра, тоже должна перемещаться в зависимости от направления ветра. Если бы обязанность перемещать такой ветровой заслон взял

на себя хозяин дома, то ему пришлось бы во время топки печи залезать на крышу не один раз. И тогда было найдено простое и хитроумное решение — заслонять трубу от ветра должен сам ветер с помощью мощного флюгера (рис. 48). Дымник с ветрозащитным устройством состоит из крыши (рис. 48, г), полуцилиндрической ширмы (рис. 48, д) и полотна флюгера (рис. 48, в), жестко уста-

а — труба;
б — ось;
в — полотно;
г — крыша;
д — полуцилиндр;
е — подпятник;
ж — подшипник.

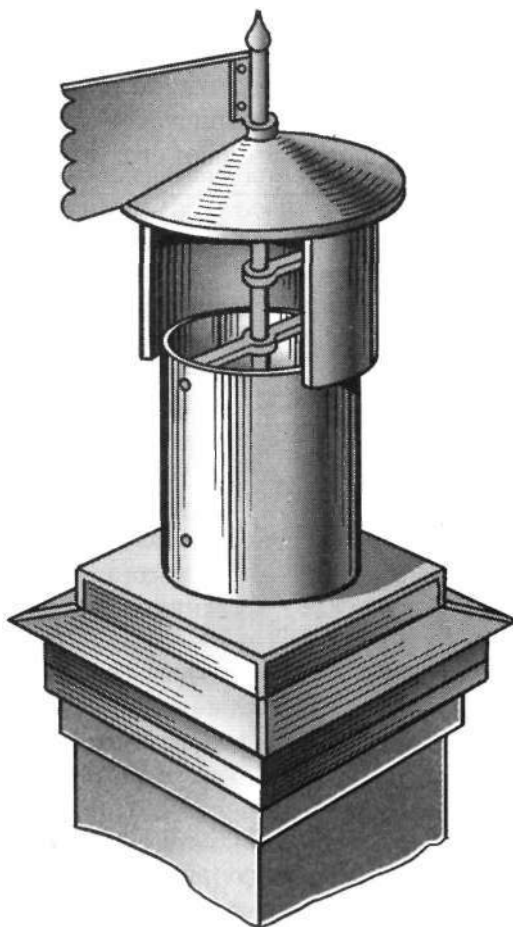

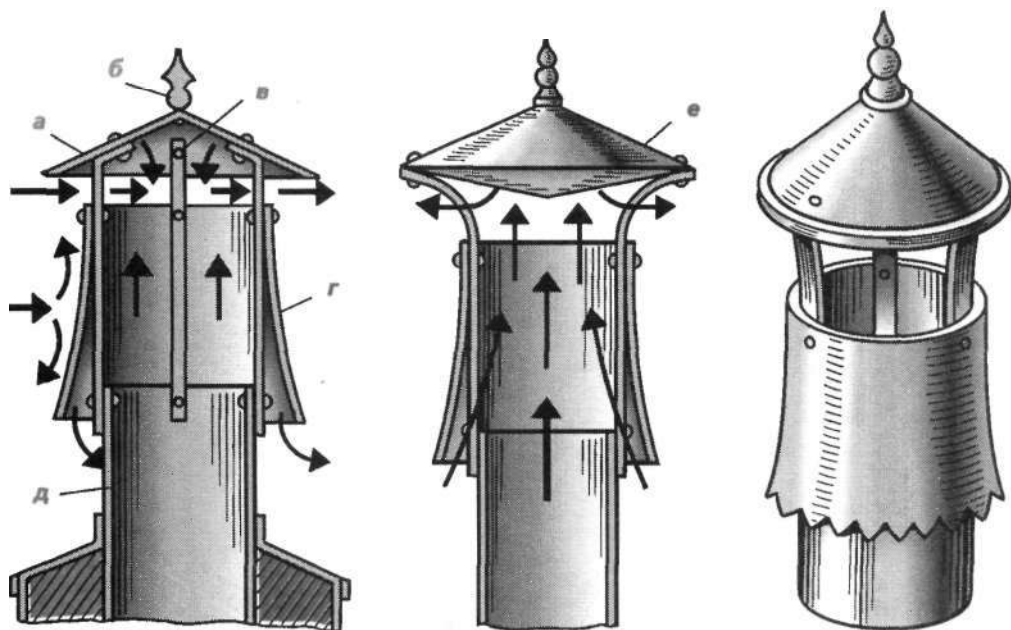
Рис. 48

новленных на вертикальной оси (рис. 48, б). Ось вместе с ними вращается на подшипниках, укрепленных во время кладки трубы на двух уровнях (рис. 48, е, ж). Нижний подшипник, или подпятник, служит упором для оси. При изменении направления ветра флюгер поворачивается, а вместе с ним и штора, которая заслоняет от ветра дымоход трубы. Благодаря этому дым свободно выходит с подветренной стороны, не встречая на своем пути препятствия. Мало того, струи ветра не только не тормозят свободное прохождение дыма из трубы, но и, скользя по полуцилиндрической поверхности, подсасывают его, усиливая

тем самым тягу в печи. Все как будто хорошо, но ветрозащитное устройство требует тщательного ухода.

Чтобы флюгер вместе со шторой легко и свободно вращался, его подшипники надо постоянно смазывать, а зимой сбивать наледи, которые образуются при конденсации пара, выходящего вместе с дымом из трубы.

Поэтому подобные дымоходы больше оправдывают себя в южных районах, где больше солнечных дней и менее суровы зимы.

а — крыша;
б — навершие; г — верхний стакан;
в — стойки; д — нижний стакан.

В северных районах чаще всего используют дымоход с ветрозащитным устройством, не имеющим подвижных деталей, так называемый *дефлектор*. Название это происходит от латинского слова *deflectere* — «отклонять». Именно на принципе отклонения потоков воздуха основана работа этого устройства (*рис. 49*). Дефлектор состоит из двух цилиндров, так называемых *стаканов*, и укрепленного над ними конусообразного зонтика. Нижний стакан имеет цилиндрическую форму (*рис. 49, д*). Его функции обычно выполняет металлическая, керамическая или асбестовая труба, на которой монтируется дефлектор. К нижнему стакану крепится на трех-четырех стойках (*рис. 49, в*) расширяющийся книзу верхний стакан (*рис. 49, г*) и зонтик (*рис. 49, а*). Действует дефлектор следующим образом. Струи воздуха, ударившись о стенки верхнего стакана, огибают его с боков. Другая часть воздушных потоков, скользя по поверхности, заворачивает вверх, подсасывая выходящий дым как снизу, так и сверху. При этом движение в трубе становится более интенсивным, увеличивается тяга в печи. Если же ветер дует не горизонтально, а под углом, сверху вниз или же, наоборот, — снизу вверх, то он также способствует усилению тяги. Дуя наискосок, он проникает снизу в верхний стакан через зазоры и подсасывает поступающий в трубу дым. Когда дует низовой ветер, проявляется один недостаток, который

присущ всем видам дымоходов: под сводом крыши возникают вихри, которые замедляют выход дыма. Поэтому у более совершенных дефлекторов снизу под зонтиком устанавливают конус, который отражает потоки воздуха с дымом, рассекая их и выводя сразу же наружу.

Короны и венцы. В больших и малых городах России, реже в селах можно было встретить довольно много дымоходов-наверший, имеющих форму венцов и корон (*рис. 50*). Их устанавливали на оголовках труб в качестве декоративных элементов, венчающих самую высокую точку дома. Красота и выразительность так называемых корон и венцов зависит прежде всего от таланта мастера, владеющего искусством просечного железа, поскольку основу этих элементов декоративного убранства печных труб составляет ажур (*рис. 51*). В других, же дымоходах ажур используется лишь для украшения отдельных деталей: бортиков, гребней и т.п. Поэтому каждый желающий украсить трубу своего дома короной или венцом должен освоить хотя бы азы техники просечного металла.

Узоры на листовой стали. Приемы выполнения ажурных просечных узоров можно рассматривать на примере изготовления гребня для четырехщипцовой крыши дымохода. На листе плотной бумаги в натуральную величину вычерчивают гребень вместе с контурами ажурного рисунка (*рис. 51*). Затем приступают к переводению

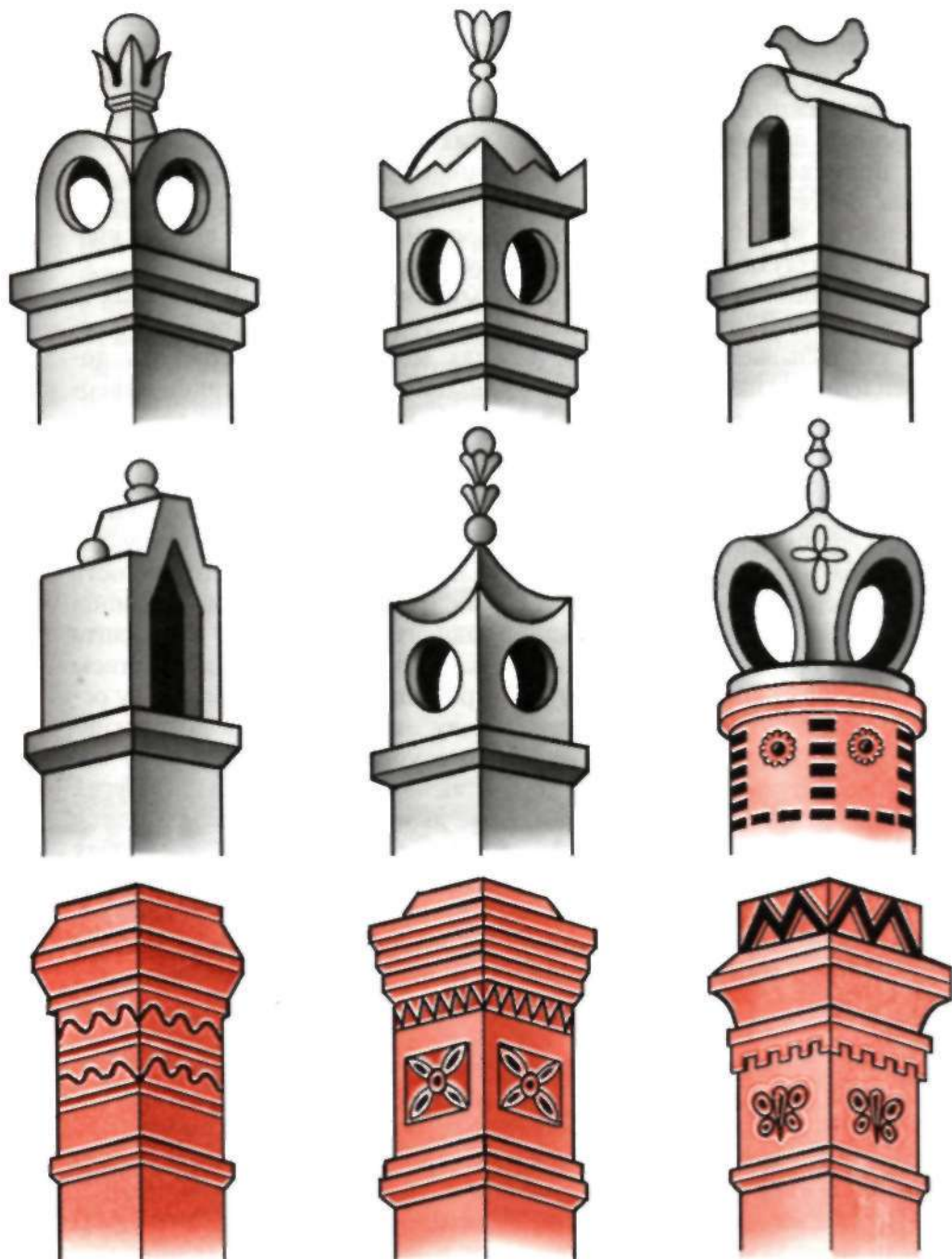

Рис. 50

рисунка на кровельное железо. Бумагу прикрепляют по краям железного листа кусочками пластилина или же приклеивают быстросохнущим клеем. И с помощью керна переводят рисунок. Поставив боек кернера на линию рисунка, быстро наносят резкий, но не сильный удар. Затем, переместив кернер вдоль линии, наносят точно такой же удар; и так — до тех пор, пока не будет переведен весь рисунок. Достаточно, чтобы на поверхности металла оставалась небольшая вмятина-точка (кern). Расстояния между точками изменяют в зависимости от характера линий. Например, перенося на металл прямые или слегка изогнутые длинные линии, интервал между точками можно

делать достаточно большим. Но там, где нужно с бумаги перенести более сложные контуры мелких деталей, расстояние между кернами уменьшают. Затем переносят угловые точки разверток, а также центры дуг и окружностей. Закончив кернение и сняв бумагу с металла, с помощью стальной чертилки и линейки соединяют угловые точки развертки. Затем проводят окружности и дуги циркулем, имеющим на обоих концах стальные иглы.

Неоднократно повторяющиеся узоры переводят на кровельное железо с помощью шаблонов, которые вырезают из тонкой фанеры или плотного картона. Шаблоном может служить одна из готовых ажурных деталей, изготовленная

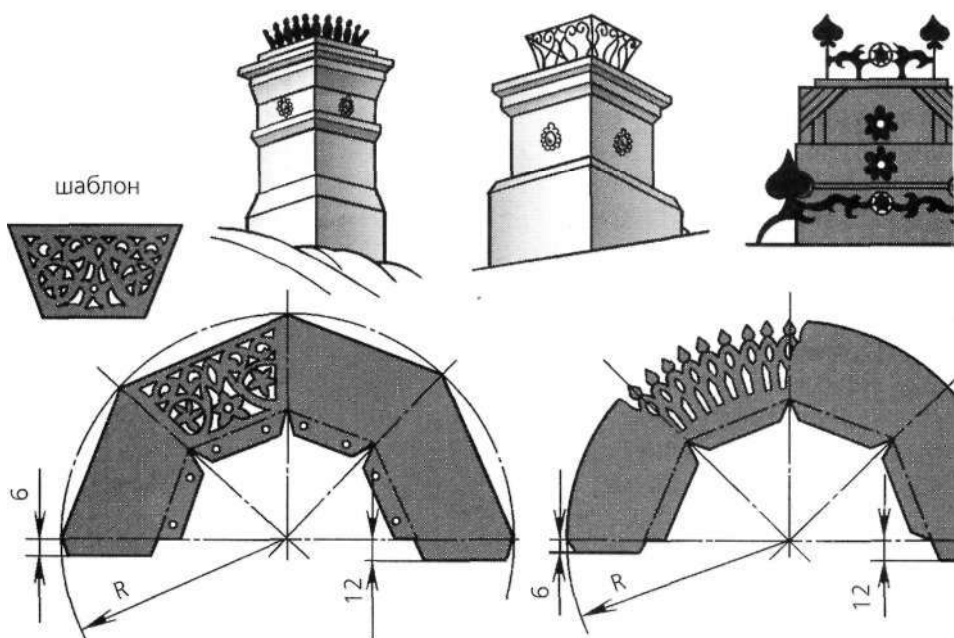

Рис. 51

из кровельного железа. Шаблон представляет собой раппорт, то есть повторяющийся неоднократно элемент заранее разработанного орнамента в натуральную величину. Если выполняют узор в полосе, то его обводят последовательно, перемещая вдоль заранее проведенной прямой линии. Для

обводки используют стальную чертилку или жировой карандаш типа «Стеклограф».

Жировые карандаши можно изготовить своими руками, составив пишущую массу из 4 ее-

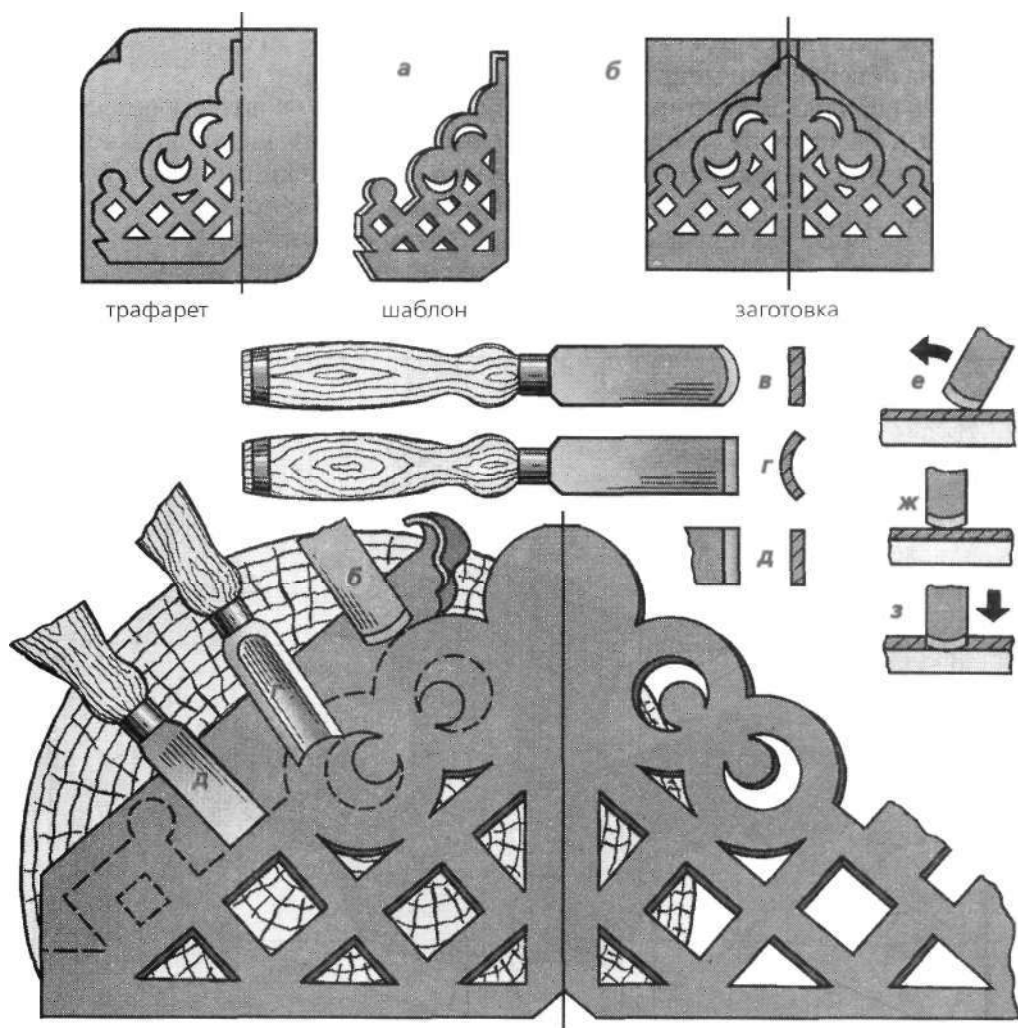

Рис. 52

совых частей воска, 1 части топленого сала (можно взять кулинарный жир) и 2 частей черной порошковой краски или печной сажи. В расплавленный воск добавляют все остальные компоненты, тщательно перемешивают и выливают жидкую массу в трубочки, вырезанные из высушенных полых стволов бурьянных трав, например дудника, купыря и т.п. Вместо них можно использовать трубочки, скатанные из нескольких слоев бумаги. Когда восковая масса застынет, из нее образуется стержень, имеющий достаточно большую твердость, необходимую для того, чтобы свободно проводить четкие линии на листовом металле.

Ажурные узоры в листовом металле просекают сечками. Их изготавливают из инструментальной стали У8 и У10. Рабочую часть каждой сечки после ее изготовления закаливают. Рукоятки вытачивают из бука, клена или березы. Чтобы предотвратить раскалывание древесины от ударов молотка, сверху на рукоятку набивают металлическое кольцо (рис. 52). Для просечных работ используют несколько сечек с различной формой лезвий: прямой (рис. 52, д), полукруглой (рис. 52, в) и же-
лобковой (рис. 52, г). Наравне со специальными сечками используют обычные долота и стамески. Фигурные проемы просекают в листовом металле на торце тол-

стого массивного кряжа, который обычно используется для рубки дров, или на топчане. Просекание листового металла выполняют в следующей последовательности. Кончик лезвия сечки (или долота) устанавливают на контур рисунка (рис. 52, е). Чтобы удобнее было следить за кончиком лезвия, сечку слегка наклоняют. Убедившись, что лезвие установлено правильно, не отнимая его от поверхности металла, придают сечке вертикальное положение (рис. 52, ж) и ударяют по торцу рукоятки молотком или киянкой (рис. 52, з). Сила удара должна быть таковой, чтобы кровельная сталь рассеклась с одного раза. Убедившись, что металл просечен насквозь, сечку передвигают и снова устанавливают наклонно с таким расчетом, чтобы кончик лезвия слегка находил на уже просеченный участок. Затем сечку вновь выравнивают и наносят удар по торцу рукоятки. Так продолжают до тех пор, пока не будет полностью просечен намеченный участок контура. Сечки с полукруглыми лезвиями отличаются от сечек с прямыми лезвиями тем, что они имеют более высокую маневренность. Особенно удобно ими просекать контуры, имеющие сложную конфигурацию. При этом края просекаемого металла получаются плавными, без ступенчатости и заусениц. Полукруглыми сечками, имеющими широкие лезвия, просекают прямые или же незначительно скривленные линии, а узкими — мелкие проемы со сложными кривыми

линиями. Сечками с прямыми лезвиями (рис. 52, д) удобно просекать металл по прямым линиям и особенно уголки ажурных проемов. Желобчатыми сечками (рис. 52, з) просекают часто повторяющиеся закругленные мелкие детали и круглые отверстия.

Окраска дымников, колпаков и воротников. Чтобы защитить от коррозии стальное убранство печных труб, металлические части грунтуют олифой, смешанной с тертым суриком. Грунтовку составляют из 10-ти частей олифы и 1-й части сурика. Вместо сурика можно использовать охру или

просеянную через мелкое сито сухую глину. Грунтовку равномерно втирают в металл, следя за тем, чтобы на нем не оставалось даже самых незначительных пробелов. Примерно через сутки грунтовка высохнет, тогда изделия окрашивают масляной краской. Воротник и колпак обычно окрашивают в тот же цвет, который имеет кровля дома, скажем коричневый или зеленый. Дымник лучше сразу окрасить в черный цвет, потому что через месяц-другой после того, как начнут топить печь, он все равно почернеет от дыма.

часть
3

Обращение с печью

- ПЕЧЬ И ПОГОДА
- ДРОВА ДРОВАМ РОЗНЬ
- ЗАГОТОВКА ДРОВ
- ВСЕГДА ПРИ ПЕЧИ (ПЕЧНОЙ ИНВЕНТАРЬ)
- ОБРАЩЕНИЕ С РУССКОЙ ПЕЧЬЮ
- РУССКИЙ ПРЯНИК
- СУШКА В ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПЕЧИ
- СЛУЖЕНИЕ РЕМЕСЛАМ
- ИЗБЯНАЯ ФАБРИКА

Обращение с печью — святое дело;
оно освящено столетиями.

Д.С.Лихачев

ПЕЧЬ И ПОГОДА

Принято считать, что печи топят только зимой, а летом они находятся как бы не у дел. Подобное представление отразилось даже в старинной народной загадке: «Чего нет летом холоднее, а зимой теплее». Не трудно догадаться, что речь идет о печи. Хотя по сути своей загадка верна, но бывают исключения, когда в самый разгар лета в топливнике печи весело потрескивают дрова и исходит благодатное тепло. Ведь лето на лето не приходится: бывает, что даже в июле могут неожиданно завернуть холода. Но даже в теплое, но дождливое лето желательно время от времени протапливать печь, чтобы удалить из помещения лишнюю влагу, а заодно приготовить пищу, испечь пироги, быстро высушить грибы, ягоды, а мало ли какие дела можно приурочить к топке печи.

Еще чаще приходится топить в осенние дни, когда, как говорят, семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревет, сверху льет и снизу метет. Вернувшись вечером с промозглой и сырой улицы, хорошо погреться на лежанке, послушать пение ветра в печной

трубе. Вспоминая свой дом с русской печью, Сергей Есенин писал:

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная мощь.
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.
Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

В воображении поэта «верблюд кирпичный» видел экзотические дальние страны, «сон другой и цветущей поры». Крестьянину-землепашцу, имеющему практический склад ума, печь прежде всего помогала «увидеть» признаки изменения погоды на дворе.

Каждый наблюдательный хозяин знает, когда и как поет печная труба и о чем говорит каждый ее звук: к примеру, высокий и протяжный — мог предупреждать о смене погоды, низкий и порывистый — о затяжном ненастье. По сути дела, для крестьянина русская печь была чем-то вроде своеобразной домашней метеостанции. Однако определение погоды по звукам в трубе — это лишь один из многочисленных спосо-

бов получения нужных метеорологических сведений. Так, о погоде на завтра и даже на много дней вперед судили по форме и направлению дыма, идущего из трубы, по цвету огня и углей в печи, по характеру горения дров и многому другому. Мало того, с помощью печи можно довольно точно определить атмосферное давление. Оно становилось известным, как только начинали растапливать печь. При низком давлении тяга в трубе плохая и дрова горят вяло, а дым, идущий из топливника в дымоход, захлестывает за чело русской печи. Не дай бог, если используются к тому же сырые дрова: едкий дым расползется постепенно по всей избе. Все это верный признак того, что завтра будет ветреная и дождливая погода, а в зимнее время можно ожидать оттепель или метель. Чтобы уточнить этот прогноз, выходят на улицу, чтобы взглянуть на дым, идущий из трубы. Если он выгибается коромыслом и стелится по земле, то это верное подтверждение грядущего ненастья. Ну а если дрова в печи хорошо разгораются и горят весело с легким потрескиванием, а дым из трубы поднимается вверх, то на завтра непременно будет тихий и солнечный день. Если в доме напротив топится печь, то не обязательно даже выходить на улицу, чтобы понаблюдать за поведением дыма, достаточно лишь выглянуть в окно.

Известно, чем больше совпадает различных примет, тем точнее прогноз погоды. За три-четыре

часа, пока топится печь, хозяйка может проверить не одну народную примету. Даже уголь, оставленный с вечера в загнетке под слоем золы, становится источником информации. Открыв выюшку и задвижки, хозяйка вынимала заслонку и выгребала раскаленные угли на под печи, поближе к устью. Если уголь начинал разгораться сам собой, то на следующий день стоило ожидать усиления мороза. Но вот на уголь положены кусочки бересты и лучинки, а сверху сухие дрова. Весело загоралась, береста с лучинками, а за ними и дрова, положенные колодцем или шалашиком. И это было верным признаком того, что завтрашний день будет морозным. Если же дрова будут гореть вяло и даже гаснуть, то в ближайшие дни следует ожидать оттепель.

В особые приметные дни по дыму узнавали о том, какая предстоит зима: лютая, с трескучими морозами, или сиротская, то есть мягкая, с частыми оттепелями. Разумеется, это наиболее сильно волновало тех хозяев, которые не смогли вовремя запастись необходимым количеством дров. Такой долгосрочный прогноз можно было попытаться сделать первого октября, проследив за направлением дыма, выходящего из трубы. Если дым тянется на запад, зима будет суровой, на восток — мягкой. Уже через день должны подуть так называемые астафьевы ветры. Если дым на Астафьев день (3 октября) относит ветром на юг — ближайшие дни будут студеными, на север —

жди потепления, на восток — к слякоти и дождю, на запад — к ясной солнечной погоде.

Более или менее постоянно печи начинают топить примерно с Покрова (14 октября), когда до обеда на дворе осень, а после обеда — зима. По этому случаю деревенские старики говорили: «В октябре с солнцем распрощайся, ближе к печке подбирайся». Но никакая печь не сможет надежно обогреть помещение, если оно как следует не утеплено. Именно об этом напоминает дошедшая до нас старинная поговорка: «Батюшка Покров, натопи печь без дров». К этому дню дальновидные хозяева старались привалить завалинку, утеплить двери, заделать щели в полу, законопатить пазы между бревнами в тех местах, где весной птицы повыдергали мох и паклю на подстилку для гнезд, промазать замазкой и оклеить бумажными полосками оконные рамы. При этом приговаривали: «Батюшка Покров, покрой нашу избу теплом, а хозяина добром».

Считается, что за Покровом идет зима, хотя по календарю этот праздник приходится на середину осени. По приметам в этот день должен выпасть снег и покрыть землю белым покровом, который порой украшался золотым узором из опавших листьев. Ведь нередко бывало так: ночью или утром выпал снег, а к обеду поднялся ветер, сорвал оставшиеся листья с деревьев и украсил ими снежную гладь. Недаром в народе говорят: «Покров кроет землю то снежком, то листком».

Правда, бывают и исключения: снег в этот день не выпадает. И это давало основание делать заключение: «Каков Покров — такова зима». Но и в этот день с помощью топящейся печки хозяева получали более точные сведения о предстоящей зиме. Если дым из трубы относил в южную сторону — следовало ожидать холодную зиму, на север — теплую. Если же дым относил ветром на восток — зима должна быть снежной. А коли дым крутило-вертело, бросая то в одну, то в другую сторону, такой же непостоянной должна быть и грядущая зима.

После Покрова уже не редкость небольшие морозы.

Они сопровождаются сильными ветрами и кажутся более лютыми, чем те, которые трещат в разгар зимы. Считается, что самый сильный разгул ветров приходится на 24 ноября, один из последних дней календарной осени. Видимо, осень старается показать напоследок наступающей зиме, что и она не лыком шита. В народе этот день называют Федор-Студит. «Федор-Студит землю студит, в окошко стучит». «Со дня Федора-Студита станет холодно и сердито». «На Студита стужа — что ни день лютей да хуже». «Федоровы ветры голодным волком воют». Носятся ветры вокруг избы, ищут щели, через которые можно было бы проникнуть в помещение, опускаются с воем в печную трубу, бьются в бессилии о закрытую выюшку либо задвижку и с тоскливым стоном возвращаются наверх к оголовку.

Горе тому хозяину, у которого в печи неисправна вьюшка или же не совсем до конца задвигается задвижка. Лютые федоровские ветры основательно выстудят печь, а вместе с нею и избу. Тем же, кто хорошо подготовил печь к зиме, промозглые ветры не страшны. Как любили говорить в стародавние времена: «На печке да около горячих щей и в Студитов день не застудишься».

Но самые серьезные испытания ждут печь и ее хозяев впереди, когда один за другим установленной чередой затрещат на дворе настоящие морозы.

В народном календаре таких коренных морозов насчитывается всего девять: Введенские (4 декабря), Никольские (19 декабря), Рождественские (7 января), Васильевские (с 7 по 13 января), Крещенские (19 января), Афанасьевские (31 января), Сретенские (15 февраля) и, наконец, Благовещенские (7 апреля).

Морозы, как верстовые столбы, расставлены на заснеженном пути русской зимы, а самый последний из них приходится даже на начало второго месяца весны.

В промежутках между коренными морозами в течение всей зимы стихийно возникают, если можно так сказать, незапланированные морозы. И чтобы они не застали врасплох, их тоже нужно было предугадать. И тут на выручку приходила все та же печка-много-

знайка. Многим с детства памятные строки С. Маршака:

Снег на крыше, на крылечке,
Солнце в небе голубом.
В каждом доме топят печки,
В небо дым идет столбом.

Хотя в четверостишье мороз напрямую не упоминается, дым, идущий столбом, говорит о том, что поэт изобразил именно морозный день. Ведь в нашем подсознании живут общеизвестные приметы: «Дым столбом — к морозу, дым волоком — к ненастью», «Дым из трубы стелется по земле в безветрие — к снегу». Особое значение придается подобным приметам в периоды коренных морозов.

Первые коренные морозы, называемые Введенскими, как бы вводят природу в царство зимы по ледяным мостам. Недаром говорят: «Наложило Введение на воду толстое леденье». К этому времени замерзает в реках, прудах и озерах вода, намерзает такой лед, по которому можно ходить и ездить. Между тем часто Введенские морозы бывают не только слабыми, но кратковременными, а иногда даже завершаются оттепелью. И тогда справедливой бывает другая поговорка: «Введение ломает леденье». Создается впечатление, что Мороз-воевода заглянул на денек-другой лишь только для того, чтобы дать людям возможность проверить, насколько хорошо они подготовились к предстоящей зиме и смогут ли противостоять ожидающим их впереди настоящим стро-

гим морозам: надежно ли утеплена изба, насколько хорошо греет и достаточно ли долго держит тепло печь, много ли жару дают заготовленные дрова.

Оттепель часто длится чуть ли не до Никольских морозов. Кажется, что зима отступила. Зная капризы матушки-зимы, старые люди между тем говорили: «Все тепло да тепло, погоди — придет Варвара, заварварят и морозы». Именно с Варвары начинались вторые морозы — Никольские. «Пришла Варюха: береги нос и ухо». На Варвару печки начинают топить более основательно — два раза на день. На Варварин день присматривались к дыму, идущему из трубы. Если он изгибается коромыслом, прибавается к земле — в ближайшее время наступит оттепель, тянется вверх столбом — жди сильного мороза. Известно, что эта примета верна для краткосрочных прогнозов в любой день года. Но на Варварин день ей придется особое значение, ведь впереди ожидалась первые серьезные морозы. Декабрьские морозы, в том числе и Никольские, отличались своей лютостью. О них в народе говорили: «В декабре мороз ночью по дворам ходит, стучит в избы и гонит баб с раннего утра печи топить». За Никольскими следуют более суровые Рождественские морозы. Если теплая изба с хорошей печью да жаркими дровами сможет уберечь человека от самой жестокой стужи, то озами и фруктовым деревьям не сдобровать. В старину крестьяне полагали, что моро-

зы приносят злые духи. Они бегут по садам и полям, дуют в кулак и утаптывают пятками снег. Из-под пяток раздается треск, и трескучий мороз сковывает все вокруг. Когда же духи дуют в кулак, поднимается сильный ветер и начинается метель, которая наметает огромные сугробы на дорогах и выдувает снег с полей и садов: земля же промерзает так, что гибнут озими.

Чтобы предотвратить несчастье, в сочельник (перед Рождеством) крестьяне по традиции совершали обряд заклятия мороза. И не случайно основным местом исполнения этого обряда была русская печь. Мороз заклинали либо в открытую печную трубу, либо в *волоковое окно*, находящееся в стене рядом с печью. Обычно через него при топке по-черному выходил на улицу дым. Старик или самый старший в семье мужчина забирался на печь с деревянной ложкой, наполненной киселем, просовывал голову в волоковое окно и говорил: «Мороз! Мороз! Приходи кисель есть. Мороз! Мороз! Не бей наш овес, лен да коноплю в землю вколоти». Когда же, закрыв окно, старик начал слезать с печи, старшая в доме женщина внезапно обливала его водой, чтобы проклятие замерло на его устах. Считалось, что после такого угощения мороз становился добрым и уходил во свояси.

На Руси самыми сильными издревле считались Крещенские морозы, когда печь приходилось топить чуть ли не весь день. Осо-

бенно жарко топили в деревнях русскую печь любители купаться в «иордани» — проруби с освященной водой. «Очень нередко случается, — пишет об этом обычае один из авторов XIX века, — что кто-нибудь, по окончании обряда, разденется донага и бросится в прорубь, где при пении «Спаси, господи, люди твоя» был погружен крест; разумеется, что окунувшись раз, он сейчас же выскакивает из воды, накидывает тулуп, стремглав бежит в жилье и прямо вскарабкивается на печь, где обтирается и надевает чистое белье. Кажется, не было примера, чтобы кто-нибудь поплатился горячкой или хоть малейшею простудой: все сходит благополучно». Само собой разумеется, что в благополучном исходе купания в ледяной воде при тридцатиградусном морозе все же решающую роль играла русская печь.

Самые последние коренные морозы — Благовещенские. Хотя они и не отличаются особой строгостью, однако приносят много хлопот сельским жителям. Печники между тем предупреждали тех хозяев, которые, обманутые мимолетным теплом и ласковым солнцем, собирались переключать старые печи: «Не ломай печей — еще апрель у плечей». Действительно, апрель — непостоянный месяц — то ветер, то дождь, то тепло, то холод. По народной примете после Благовещения бывает еще сорок холодных утреников, которые прекращаются только в мае. В это время хотя и

не очень сильно, но топить печи все же было необходимо.

Даже приготавливаемая пища в печи-многознайке и печная посуда давали возможность опытной хозяйке судить о предстоящей погоде. Как только была растоплена печь и дрова начинали жарко гореть, вокруг огня размещали горшки и чугушки. Наблюдая за ними, внимательные хозяйки заметили: «Горшки легко перекипают через край — к ненастью, вьюге или метели». Даже каша, приготовленная в печи, давала возможность судить о предстоящей погоде. На русском Севере из уст в уста передавалась старинная примета: «Каша в печи румянится летом к дождю, а зимой — к снегу».

Когда же печка была уже протоплена и наступала пора закрывать трубу, хозяйки обращали внимание на раскаленные угли. Если они продолжали жарко пылать и долго не покрывались пеплом, то следовало ожидать морозов, когда же они начинали быстро обметываться пеплом, то в скором времени должна наступить оттепель.

Дополнительные сведения о предстоящей погоде можно было получить, поставив самовар. Коли дрова в самоваре горят вяло — к потеплению, а если весело, да еще так, что стенки его содрогаются от гула, — к морозу.

Порой в роли оракула выступал поселившийся за печкой сверчок. Как только в сильные морозы после долгого молчания сверчок неуемно начинает трещать, то скоро

ожидается потепление, во время которого должен пройти тихий и обильный снег.

Всем известно, что все кошки любят понежиться у теплой печки. Но бывают моменты, когда они проявляют к ней особый интерес, даже забывая выходить на охоту. Если кошка свернулась калачиком и лежит большую часть дня у печки или на лежанке, а то даже залезает в печурку или на шесток, то в скором времени следует ожидать крепких морозов. В народе так и говорили: «Кошка в печурку — стужа во двор».

Когда на дворе стояло глухозимье и светало очень поздно, в старину печь начинали топить при лучинах. Такие же березовые лучины использовали и для растопки печи. Горящая лучина считалась хорошей указчицей погоды. Если примечали, что она горит с треском, оставляя много нагару, то делали выводы о том, что не за горами сильные морозы. Лучина,-metaющая при горении искры, предвещала скорое ненастье.

ДРОВА ДРОВАМ РОЗНЬ

Писатель М.М. Пришвин в одном из своих рассказов вспоминал курьезный случай, произошедший с хозяйкой, у которой ему пришлось когда-то квартировать. Однажды в самый разгар зимы она купила у заезжего торговца пять сажен березовых дров. Шел снег, и старичок-торговец, чтобы не тревожить хозяйку, вызвался сам уложить дрова в поленницу.

Когда костер в печи окончательно разгорится, дальнейшие наблюдения за ним дают возможность подтвердить или опровергнуть предыдущие приметы:

«Сильная тяга в печи — к морозу, слабая — к оттепели».

«Если дрова горят с треском — к морозу».

«Если пламя стремится в трубу и дрова горят с шумом — к бурану». Даже цвет пламени мог сказать многоопытной хозяйке. Давно замечено, что красный огонь в печи — к морозу, а белый — к оттепели.

Чем сильнее на дворе трещали морозы, тем больше расходовалось дров, чтобы согреть избу. Печь казалась хозяевам ненасытным и прожорливым существом:

Стоит Матрена,
Здорова, ядрена,
Пасть открывает,
Что дают — глотает.

Даже самые богатые и запасливые хозяева в сильные морозы говорили с грустной усмешкой: «На дворе мороз, а в кармане денежки тают».

Пока на дворе стояла относительно теплая погода, хозяйка старалась топить печь оставшимися еще с прошлого года осиновыми дровами. Но «...в декабре, когда начались настоящие морозы, — вспоминает писатель, — как мы ни топили осиновыми дровами, прохолодило дом сразу.

— Ну, — сказала однажды хозяйка, — с завтрашнего дня принима-

емя за березовые дрова, эти уж не подведут, а осина — не дрова, осина — прах».

Однако у поленницы, сложенной торговцем, выяснилось, что вместо березовых в ней уложены осино́вые дрова, припорошенные для маскировки снежком. «Итак, — заключает писатель, — благочестивый старик целых пять сажен осиновых дров расписал под березовые».

Чтобы можно было представить потери, понесенные доверчивой женщиной, следует напомнить, что до введения метрической системы сажень была равна трем аршинам, или 2 м 13,4 см. В быту довольно часто применяли так называемую *маховую сажень*, равную расстоянию между пальцами широко распахнутых рук. Разумеется, такая сажень зависела от роста человека и у каждого была своя.

Сажень дров — это поленница, имеющая высоту в одну сажень и такую же ширину. Глубина же поленницы определяется количеством рядов, выложенных из поленьев, имеющих стандартную длину, то есть три четверти (54 см). Дрова, уложенные в поленницу в один ряд, называли швырковыми, в два — двойником, а в три — тройником. Судя по всему, в рассказе речь идет о швырковых дровах, а поленница, проданная торговцем, имела длину 10 м 76 см при высоте 2 м 13,4 см.

Известно, что дрова дровам рознь. Одна сажень осиновых дров дает почти вдвое меньше тепла, чем березовых. Для того что-

бы жарко натопить печь, достаточно сжечь всего одну хорошую вязанку березовых дров, в то время как осиновых потребуется не менее двух вязанок. К тому же осино́вые дрова горят не так дружно, как березовые, и дают много золы, препятствующей горению. В народе так и говорили: «Осиновые дрова не варки — мало жару дают». Круглый год такими дровами топили печи только бедные, вроде тех, которые упоминались в шуточной масленичной припевке:

Жили-были дед и баба
На осиновых дровах
Три полена в головах!

Березовые дрова отличаются от осиновых не только составом древесины, но и плотностью, они намного тяжелее их.

Чем выше плотность древесины, тем больше дает она тепла при сгорании.

Из таблицы видно, что один кубометр абсолютно сухой березовой древесины весит 570 кг, кубометр осины 370 кг. Соответственно, теплотворная способность одного кубометра березы чуть ли не вдвое выше, чем у осины. Конечно же, когда говорится о теплотворной способности древесины, то в расчет не входит ее кора. У березы же одна береста чего стоит! Она легко и быстро воспламеняется и дает гораздо больше тепла, чем древесина, имеющая ту же массу. Поэтому березо-

вое полено не идет ни в какое сравнение с другими. Каждое полено, покрытое берестой, имеет при себе свою растопку. Ведь в печи сначала загорается береста, а уже потом с ее помощью и все полено. Березовые дрова горят дружно, отчего в топливнике быстро возникает высокая температура, а раскаленные угли помогают удерживать в нем устойчивый жар. Во время топки печи легкий приятный аромат горящих березовых дров распространяется по избе. Поэтому-то на Руси так любили березовые дрова.

Поскольку теплота сгорания кубометра дров различна, то обязательно при назначении цены учитывается их порода. В то же время массовая теплота сгорания, зависящая от состава древесины, у большинства деревьев почти одинаковая. Скажем, 10 кг березовых дров дают примерно столько же тепла, сколько осиновые, еловые и дубовые, имеющие тот же вес. Исключение, пожалуй, составляет сосна: она дает чуть больше тепла за счет содержащейся в ней смолы.

Чем меньше плотность древесины, тем она быстрее загорается, но так же быстро сгорает. Причем горение сопровождается треском и разбрасыванием искр. Твердая древесина, наоборот, загорается медленно, но зато горит мощным и спокойным пламенем. Есть и еще одно существенное различие при горении древесины твердых и мягких пород. Умяг-

кой древесины языки пламени короткие, а у твердой — длинные. Поэтому твердую древесину предпочтительнее сжигать в больших просторных топливниках.

Как известно, когда-то в Средней Азии дрова продавались на вес, за исключением хвороста, счет которому вели вязанками. Покупатели мало обращали внимание на породу древесины, лишь бы она давала нужное количество тепла. Казалось бы, продавай пришвинтский старичок дрова на вес, то путь к мошенничеству у него был бы отрезан. Но не тут-то было, и при этом способе торговли также не исключается возможность обмана. Плутоватые южные торговцы дровами при случае не прочь были обвести покупателя вокруг пальца. Правда, они не маскировали тополь под дуб или бук, а просто-напросто загодя насыщали древесину влагой. Дрова вымачивали несколько суток в арыке или ручье, затем давали обсохнуть сверху и только после этого везли на продажу. Для покупателя такие дрова невыгодны вдвойне: мало того, что приходилось платить за находящуюся в них воду, но самое главное, такие дрова плохо горят и мало дают тепла. Чем выше влажность древесины, тем ниже ее теплотворная способность. Эта зависимость показана в приведенной ниже таблице. Для сравнения в таблицу включены антрацит, бурый и каменный уголь, которыми русские печи не

топят. Самую высокую калорийность имеет антрацит, но точно такая же температура сгорания у древесного угля. Это значит, что с помощью древесного угля в топке русской печи можно создавать очень высокую температуру.

*Теплотворная способность
некоторых видов топлива*

Виды топлива	Теплота сгорания ккал/кг
Дрова сухие	
с влажностью:	
до 25%	3300
до 30%	3000
до 50%	2800
Торф кусковой	
влажн. 30%	3000
Торф брикетный	4000
Бурый уголь	4700
Каменный уголь	7000
Антрацит	8000
Древесный уголь	8000

Сжигая сухие дрова, температуру в топке можно поднять только до 1000°C, хотя жаропроизводительная способность дуба и березы, как показали исследования, свыше 1500°C. Но такую температуру при сжигании дров в печи достигнуть невозможно исключительно из-за различных тепловых потерь, обусловленных конструкцией бытовых печей. Много жару дают так называемые *жаровые дрова*. В прошлом их использовали для плавки металла. Получали такие дрова из сухостойных деревьев, простоявших на корню не менее года. При массовых заготовках деревья специ-

ально сушили на корню, снимая весной у комля по кругу полоску коры. Высохшие за лето деревья рубили осенью.

Однако практика показала, что пересохшую древесину так же невыгодно использовать для топки бытовых печей, как и влажную, поскольку она очень быстро сгорает и значительная часть тепла уходит в трубу.

В народе давно подметили, что наилучшая отдача происходит от сгорания дров, которые хранились в специальной поленице или в сарае-дровнике. Такие дрова принято называть воздушно-сухими.

Древесина разных пород деревьев различна по химическому составу. Одна порода при горении выделяет больше летучих веществ, другая меньше. Если в древесине избыток летучих веществ, они не успевают сгореть в топке, поднимаются в дымоход и, оседая там, образуют сажу. Сажа или аморфный углерод — продукт химического недожога летучих веществ, и при определенных обстоятельствах она горюча. Сажа, осевшая толстым слоем в дымоходе, может загореться и вызвать пожар. Высококалорийные березовые дрова, к сожалению, выделяют очень много сажи. Если печи топят березовыми дровами, то их необходимо чистить как можно чаще. Жарко, и почти не выделяя сажи, горят ольховые дрова. Их истари использовали для

топки печей в богатых городских домах, дворянских усадьбах и даже в царских палатах. В народе ольховую древесину называли *царскими дровами*. Много жару дает древесина дуба, ясеня, ильма, а также фруктовых деревьев: яблони, груши, сливы и вишни. Особенно жарко и бездымно горят яблоневые дрова. Кстати, цену этим дровам хорошо знали немецкие оккупанты. Там, где им пришлось зимовать, на дрова были вырублены все яблоневые сады. В южных областях России древесину засохших яблонь обязательно заготавливали на дрова. На топливо шли даже выкорчеванные корневища. В Тамбовской губернии был обычай на Покров (14 октября) топить печь только яблоневыми дровами. Согласно поверью, в тех домах, где этот обычай соблюдали, всю зиму было тепло.

В северных районах на топку идут также сосна, ель и лиственница. Тяжелая и плотная древесина лиственницы имеет такую же высокую калорийность, как у дуба и яблони. Однако при горении древесина хвойных пород «стреляет». Поэтому во время топки за печью необходимо постоянно следить, чтобы выпавшие при «стрельбе» угольки не попали на легко воспламеняющиеся предметы.

Жарко и без копоти горят все виды ив, но они очень быстро сгорают. Поэтому ивовых дров на одну топку уходит больше, чем каких-либо других.

Любопытно, что сжигать древеси-

ну некоторых деревьев и кустарников было запрещено по разным причинам. Например, нельзя было жечь клен потому, что, по поверьям древних славян, в это дерево был когда-то «заклят» (превращен) человек. В подтверждение этого указывали на ветви и сучья, имеющие супротивное расположение и напоминающие вскинутые вверх руки. К тому же листья клена представлялись суеверному человеку ладонями с растопыренными пальцами. Верили также, что неприятности ожидают тех, кто в качестве топлива использует древесину бузины. Считалось, что под кустом бузины, в ее корнях обитает сам черт, а также бесенята всех мастей, поэтому они не прощают, когда их любимое растение пускают на дрова. В Западной Европе бузину считали проклятым деревом, что якобы на ней повесился Иуда. Тот, кто нарушал этот запрет, навлекал в свой дом маленьких непрошенных гостей — блох и клопов. Конечно, эта кара не кажется слишком суровой по сравнению с той, которая обещана тем, кто вздумает топить печь рябиновыми дровами. Поскольку рябина повсюду считалась очень мстительным деревом, нарушавшего запрет ожидала неминуемая смерть. И надо только порадоваться, что деревья, на сожжение которых наложено табу, большого значения как топливо не имеют.

Однако вернемся к рассказу М.Пришвина. Из него следует, что зимой хозяйка, у которой он квартировал, топила печь березо-

выми дровами, а в межсезонье — поздней осенью и, видимо, ранней весной — осиновыми дровами. И в этом есть глубочайший смысл. За зиму, пока печь топится березовыми дровами, дымоход довольно изрядно зарастает сажей. Когда же с потеплением печь переводят на осиновые дрова, сажа в дымоходе начинает постепенно исчезать. Этот феномен объясняется тем, что осиновые дрова не только сами не образуют сажу, но способствуют удалению из дымохода той сажи, которая образовалась от сжигания других дров.

При полном сгорании древесины в печи остается зола, состоящая из минеральных веществ. Древесина одной породы дает больше золы, а другой меньше. Это свойство древесины специалисты называют *зольностью*. Высокая зольность дров ухудшает их горение и способствует образованию головешек, называемых специалистами механическим недожогом. Когда в процессе горения постоянно образуется много золы, она препятствует доступу кислорода к древесине и не дает ей гореть. Высокую зольность имеет мягкая древесина лиственных пород, например тополя и ивы. Чтобы золистые дрова сгорали полностью, за ними необходим особый присмотр: их чаще шуруют кочергой, стряхивая образующуюся золу, и вынимают из золы утонувшие в ней головешки.

Постепенно дрова в современных бытовых печах уступают место более высококалорийному топ-

ливу — каменному углю и газу. Однако, как считают ученые, явление это временное, поскольку эти горючие полезные ископаемые невозполнимы и запасы их с каждым годом истощаются. Наступит пора, когда подземные кладовые окажутся совсем пустыми. В то же время дровяному топливу такая участь не грозит, его можно возобновлять бесконечно до тех пор, пока над землей светит солнце. Например, быстрорастущая ива может давать ежегодно двенадцать тонн древесины с гектара. Когда-нибудь об этом придется вспомнить. Так что столь привычные всем дрова — не только топливо прошлого, настоящего, но и будущего.

Травянистое топливо. В безлесных районах России топить русские печки дровами могли позволить себе лишь очень состоятельные люди. В основном же в качестве топлива использовалось то, что давала местная природа. Чаще всего это были травянистые растения. Во время жатвы заготавливали солому, связывая ее в тугие снопы. Весной, летом и осенью собирали на пастбищах, дорогах, выгонах и всюду, где проходил скот, кизяки и «яблоки» (засохший коровий и конский навоз). В некоторых районах навоз смешивали с рубленой соломой, глиной и угольной пылью. С помощью деревянных пролетов из этой массы формовали брикеты, которые сушили на солнце, а затем убирали под навес. Осенью заготавливали тростник и бурьян. О таком несколько непривычном

для жителей лесных краев топливе В. Даль писал: «Бурьян, крупнотравянистые сорные растения, кустовая трава на залежах и задворках. Бурьян косят на топливо... Бурьянистое растение — крупное и деревянистое, кустистая коренастая трава, многолетняя от корня». Среди «бурьянистых» растений наиболее пригодны для топки печей деревянистые стволы репейника или лопуха, который, видимо, не зря в старинных загадках сравнивается даже с дубом: «Стоит дуб вялый, в нем сидит черт-дьявол; кто ни подойдет, так не отойдет». На топливо шли также стебли чернобыльника (полыни обыкновенной), купыря, дудника, кипрея (иванчая), крапивы, чертополоха, борщевика и других высокорослых травянистых растений. Высушенные стебли связывали в плотные пучки толщиной примерно 15—20 см. Чтобы они имели одинаковую длину, обрубали лишние концы на колоде. Хранили травянистое топливо в штабелях в сараях, под тростниковым или соломенным навесом. Иногда бурьян заготавливали на зиму даже в тех местах, где была возможность топить печи дровами. Правда, там он использовался как хорошая растопка. Во многих южных районах в качестве топлива использовали также тростник — высокий злак с деревянистым трубчатым стеблем и густой метелкой на вершине. Тот самый злак, о котором в известной народной песне поется: «Шумел камыш, деревья гнулись...» Вопреки правилам бо-

таники, тростник в обиходе довольно привычно называют камышом. Другим травянистым топливом, заменяющим дрова, и не только в безлесных районах, в течение многих столетий был торф. Уже в XII—XIII веках была налажена добыча торфа — топлива, состоящего из погибших растений, частично разложившихся в условиях болота.

Торф использовался не только в русских печах, но также в отопительно-варочных печах, так называемых голландках и шведках, топливники которых не имели поддувала. По теплотворной способности торф приближается к дровам.

Озабоченный проблемой отопления жилых помещений на южных окраинах России, Петр I писал в одной из своих инструкций азовскому губернатору: «В азовских лугах и иных местах, в ближних и дальних, по крайней мере искать торфу, которое зело будет использовать в тамошних бездровных местах; также и людей приучать (пока торф не сыщется), чтобы употребляли камыш (которого зело много) вместо дров...» Но и в лесных районах Петр I рекомендовал «искать всемерно торфу, чтобы было подспорье дровам».

В степных районах Украины для топки печей широко использовалась солома. Печи ею топили не только в крестьянских избах, но и в домах помещиков.

Например, соломенное отопле-

ние было у прославленных Н. Гоголем старосветских помещиков Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны: «Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низенькие, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти третью часть ее. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна очень любили теплоту. Топки их были все проведены в сени, всегда почти до самого потолка наполненные соломой, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров. Треск этой горящей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер...»

ЗАГОТОВКА ДРОВ

Народная пословица гласит: «В лес не съездишь, так и на печке замерзнешь»; «Не хочешь холоду, полюбишь лес смолоду» — вторит ей другая. У хорошего хозяина всегда был запас топлива на два, на три года, а то и больше. Дрова, аккуратно уложенные в поленницы, за это время высыхали настолько хорошо, что в печи быстро загорались и выделяли при горении много жару. Те же, кто не имел запаса дров, вынуждены были топить печь «сырником», то есть дровами из свежесрубленных деревьев. Разумеется, такие дрова с трудом разгорались и горели как бы нехотя, дымили, а по-

Как топливо солома не утратила своего значения и по сей день. В Западной Европе из соломы даже стали производить прессованные брикеты для отопления жилых помещений. Это топливо оказалось выгодным во многих отношениях: во-первых, один кубометр соломенного брикета дает столько же тепла, сколько 30 литров дизельного топлива; во-вторых, солома является экологически чистым топливом, поскольку не выделяет при сжигании вредных для человеческого организма веществ, и, наконец, намного дешевле, чем дизельное топливо, газ, уголь и дрова; в-третьих, в отличие от них, соломенное топливо можно постоянно возобновлять.

рой и гасли: так что особого тепла от них ждать не приходилось. Однако большинство сельских хозяев все же заготавливали дрова вовремя и впрок. Мало того, заготовку топлива производили не когда придется, а в определенное время года.

Считалось, что начинать валить лес на дрова надо с середины осени, когда большинство лиственных деревьев расстались со своей листвой и приготовились к зимней спячке. До самой весны так называемая «древесная влага» чуть ли не полностью уходила из древесных стволов. В лесу исчезала надоедливая мошкара. Но

главное, у крестьян были закончены все полевые работы и появлялось много свободного времени. Начинали рубить дрова на Якова-дрвопильца, то есть 22 октября. Собирая дрова, опытные дровосеки говорили: «Осеннее и зимнее полено жарче горит, вешнее и летнее ему не чета».

Рубить дрова можно было только в так называемых *дровяниках*, где росли береза, осина, кривоствольные сосны и ели, ива и ольха. Именно в таких лесах отводилось место для рубки дров, называемое в старину *дровосечищем* или *дровенищем*. Дровосечище часто находилось в низких болотистых местах, куда на телеге в теплое время года не доберешься. Отсюда дрова можно было вывозить только после того, как подморозит и выпадет снег.

И хотя до санного пути было еще далеко, старались загодя повалить деревья, отмеченные на делянке лесником, а затем не спеша отрубить сучья, а если надо, то и распилить стволы на бревна.

В старое время лес валили в основном с помощью топора. Поэтому в страдную пору лесозаготовок, говоря словами поэта, в осеннем и зимнем лесу чаще «раздавался топор дровосека» и реже слышались звуки пилы. На топор была вся надежда, и любой крестьянин мог с уверенностью сказать: «Кабы бог не дал топора, так бы топиться давно пора». Чтобы повалить дерево, от дровосека требовались сила, сноровка и выносливость. То есть работать нужно было в согласии с известной

пословицей: «Лес сечь — не жалеть плеч».

Поваленные деревья также раздывали топором. Толстые сучья складывали в одно место, тонкие четки (хворост) — в другое, а хлысты (освобожденные от сучьев стволы) оставляли пока на месте. Когда рубка заканчивалась, хлысты с помощью лошадей выволакивали на поляну, просеку или опушку леса. Там их укладывали небольшими штабелями, комлями (толстой частью ствола) в сторону дороги, идущей в деревню и по которой хлысты предстояло переправлять волоком.

Однако дрова заготавливали также попутно и при заготовке строевого леса. Лесорубы *раскряжевывали* хлыст, то есть распиливали его на бревна (кряжи) длиной от 4 до 9 метров. Обычно его делили на три бревна: комлевое (расположенное ближе к корню), срединное и вершинное. Наиболее прочными и ценными считаются комлевые и срединные бревна. Они шли на строительные нужды, а также для изготовления мебели. Вершинное бревно обычно бывает тонким и искривленным, поэтому, так же как и сучья, оно шло на дрова.

Как только выпадал постоянный снег и налаживался санный путь, приступали к вывозу заготовленных дров и хвороста. Вывозили хлысты с помощью волокуши, бревна — на дровнях (в санях без кузова), а хворост — на розвальнях (широких развалистых санных). Каждому с детства знакомы

пушкинские строки из «Евгения Онегина»:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысю как-нибудь...

Но почему крестьянин торжествует, до конца было понятно только сельским жителям. Именно в эту пору можно было наконец вывезти заготовленные дрова из леса. А чтобы дрова не завалило большими снегами, их старались привезти в деревню как можно быстрее. Поэтому в эту пору в деревнях устраивались так называемые *дровницы*, когда соседи по очереди помогали друг другу доставлять дрова из леса. Согласно уговору, каждый привозил в деревню по возу дров. Когда работа была окончена, хозяин обязан был угостить всех участников своеобразного трудового праздника.

Из леса привозили все, что удалось заготовить, не оставляя там даже единого прутика. Один старый печник, детство которого прошло в маленькой ярославской деревне, рассказывал: «Бывало, в нашей деревне, как дадут делянку, так мы под самый комель деревья подрубим, каждый прутик подберем и домой свезем, а то еще и пни выкорчем — сухой пенёк и корень много жару дают. Дома, само собой, дров напилим, наколем. А хворост, бывало, пучками навяжем и отдельно недалеко от поленницы положим. Как придет пора затапливать печь, пойдешь, в корзину дров напихаешь, а свер-

ху два-три пучка хворосту положишь. Если ветки к тому времени хорошо просохли, то лучшей растопки и не надо, она и березовой лучине не уступит. Не все, конечно, ветки на растопку пускали, какая-то часть еще раньше на дело шла. Бывало, березовых веников навяжем пол подметать, метелок понаделаем — двор мести. А была у нас старушка, которая сушила березовые веники, а потом обмолачивала и почки собирала. Лекарство из них хорошее получалось. Мазь со сливочным маслом варила, отвары разные готовила... Сама лечилась и других лечила». В наше время, как и много лет назад, селяне своими силами рубят лес на дрова. В определенном участке леса лесники помечают затесами те деревья, которые можно рубить на дрова. На каждом затесе масляной краской пишут порядковый номер делянки. Обычно рубке подлежат деревья, которые имеют какие-либо изъяны и мешают расти другим более сильным и здоровым деревьям. Фактически работники леса проводят руками селян так называемую *рубку ухода*. Все помеченные деревья делят на делянки-паи, в которые входят 20—30 стоящих недалеко друг от друга деревьев. Если стволы деревьев, входящих в делянку, относительно толстые, их в делянке будет чуть больше двадцати, а то и меньше. Тонкостволых деревьев в делянке набирается около тридцати. На каждую крестьянскую семью положена одна делянка. Все, кто заплатил деньги заранее, внесены лес-

никами в специальный нумерованный список.

В назначенный час все, кто купил себе делянку, собираются недалеко от древесечища, где лесник объявляет, кому какой номер достался. Если, скажем, кому-то достался номер «12», то это значит, что он может рубить только те деревья, на которых стоит эта цифра. Объявив номера, лесник ведет новоявленных лесозаготовителей между деревьями и показывает каждому его делянку. Кто-то остается доволен доставшимися ему деревьями, а кто-то ворчит, что слишком много досталось осины. Однако на всех не угодишь, и каждый вынужден довольствоваться тем, что ему досталось. С этого дня деревья на корню переходят в собственность каждой купившей их семьи. Их владелец теперь может в любое время прийти в лес, чтобы рубить или пилить свои деревья.

Зима словно нарочно приспособлена для заготовки дров. Каждому заготовителю хорошо видны номера на деревьях, относящихся к его делянке. Зимой деревья помечают зеленой масляной краской, чаще всего окисью хрома. В летнее время такие пометы были бы закрыты листьями кустарников, растворились в буйстве зелени. Зимой можно подойти и подъехать к каждому дереву даже там, где была трясина и кочкарник. В зимнее время природа меньше страдает от деятельности лесозаготовителей, когда в лесу толчется множество народу, стрекочут колесные и гусеничные

трактора, выволакивая на просеку хлысты. Только толстый снежный покров сможет защитить лесную почву от разрушения, а покрывающие ее растения от гибели. В наше время хлысты, а также целиком срубленные деревья вместе с сучьями и ветками доставляют в близлежащие деревни волоком. Обхватят тройку или пяток стволов (в зависимости от толщины) у самого комля петлей из стального троса, прикрепленного к трактору. Едет трактор в деревню, а за ним волочатся несколько деревьев, похожие на гигантскую метлу. Его колеса или гусеницы кладут следы на снегу, а метла их замечает.

В деревню деревья прибывают целиком, а в лесу остаются только пни. Теперь около дома можно спокойно обрубить сучья с ветками. Хорошему хозяину никогда не придет в голову выбросить их или сжечь как мусор. Из толстых ветвей можно нарубить чурочек для самовара и для чугунной печки — «буржуйки». Мелкие чурочки хранят навалом где-нибудь под навесом или в уголке дровяного сарая. Так же как и в старое время, из веток вяжут при необходимости метлы и веники. Но в основном тонкие ветки идут на растопку. Собранные в пучок ветки разрубают на торце толстого кряжа с таким расчетом, чтобы их длина была примерно равна длине заготавливаемых поленьев, то есть 35—50 см. Нарубленные ветки связывают пучками, имеющими толщину около 20 см. Для связывания используют березовые

или ивовые вицы, крученые жгуты из тонких веток, тонкие ветки сохранившие высокую гибкость. Иногда их специально для этого вымачивают. Пучки хвороста стягивают как можно туже. Чем плотнее пучки, тем меньше места занимают они в поленнице, в то же время горят в печи значительно дольше ровным и жарким пламенем. Это особенно важно, если хворост используется не только как растопка, но и как самостоятельное топливо, заменяющее дрова.

Пиление дров. Разделавшись с сучьями и ветками, приступают к пилению дров. Вначале хлысты распиливают на бревна (кряжи). При определении длины бревна исходят из того, чтобы в нем вошло кратное число чурakov. В свою очередь каждое бревно распиливают на чурaki.

Истари бревна распиливали на простейших подставках, сколоченных из толстых жердей, — *козлах*. Конечно, кое-кто в наше время процесс пилки дров механизировал, используя для этих целей небольшую пилораму, электроили бензопилу. Но большинство людей все же пилят дрова, как в старые годы, на козлах обычной двуручной пилой. Козлы напоминают двух рогатых животных, которые стоят, отвернувшись друг от друга, и смотрят в разные стороны. Они состоят из горизонтально расположенного бревна диаметром 20—25 см, укрепленного на четырех ножках, сделанных из четырех перекрещивающихся толстых жердей. Выступа-

ющие кверху концы, называемые рогами, прочно удерживают распиливаемые бревна на козлах (рис. 53). Если бревна часто приходится распиливать на короткие чурки, то в горизонтальном основании врезают дополнительные «рога». Чтобы пилить было удобно, высоту козел делали с учетом роста пильщиков. Она должна быть такова, чтобы верх распиливаемого бревна находился на уровне локтя.

Длину пилы также выбирают в зависимости от роста. Поэтому промышленность выпускает пилы самой различной длины.

Самая короткая двуручная пила имеет длину 1 метр, а самая длинная, рассчитанная на ростовых людей, — 1 м 75 см.

Чем выше рост человека, тем длиннее рука, для которой требуется более длинная пила. Только в этом случае при пилении будет рационально использован весь размах пилы, от ручки до ручки. Ручки пилы должны иметь удобную форму и хорошо лежать в руке, иначе можно быстро набить мозоли. Практикой установлено, что всем этим требованиям соответствуют ручки, слегка изогнутые в сторону середины полотна. Такие ухватистые ручки легко сделать из изогнутого ствола ивы, березы, черемухи или клена.

Чтобы в процессе пиления древесины не зажимала полотно пилы, ее зубья поочередно разводят в

разные стороны: один вправо, другой влево и т.д. При разводке, а также при точке пилу закрепляют на верстаке с помощью клиньев (рис. 54). Для разводения зубьев используют специальные разводки. Простейшая из них — это металлическая пластинка, в которой сделаны различной глубины пропилы. Если зубья будут разводены слишком сильно, то пропил в бревне будет получаться чрезмерно широким. Между тем, переводя при этом много древесины в опилки, пильщики к тому же будут вынуждены прилагать лишние усилия.

Когда пила хорошо разводена и заточена, бревно кладут на козлы и приступают к распиливанию его на чуряки, равные длине будущих поленьев. Поленья должны быть не очень короткими и не очень длинными, а в самый раз, иначе говоря, оптимальной длины. Иные пильщики разрезают бревно «на глазок», полностью полагаясь на глазомер. Известно, что пилить дрова в охотку можно только когда их немного, но если их заготавливают на всю зиму, то пилить большое количество бревен тяжело и мучительно. Когда рука начинает уставать, она невольно

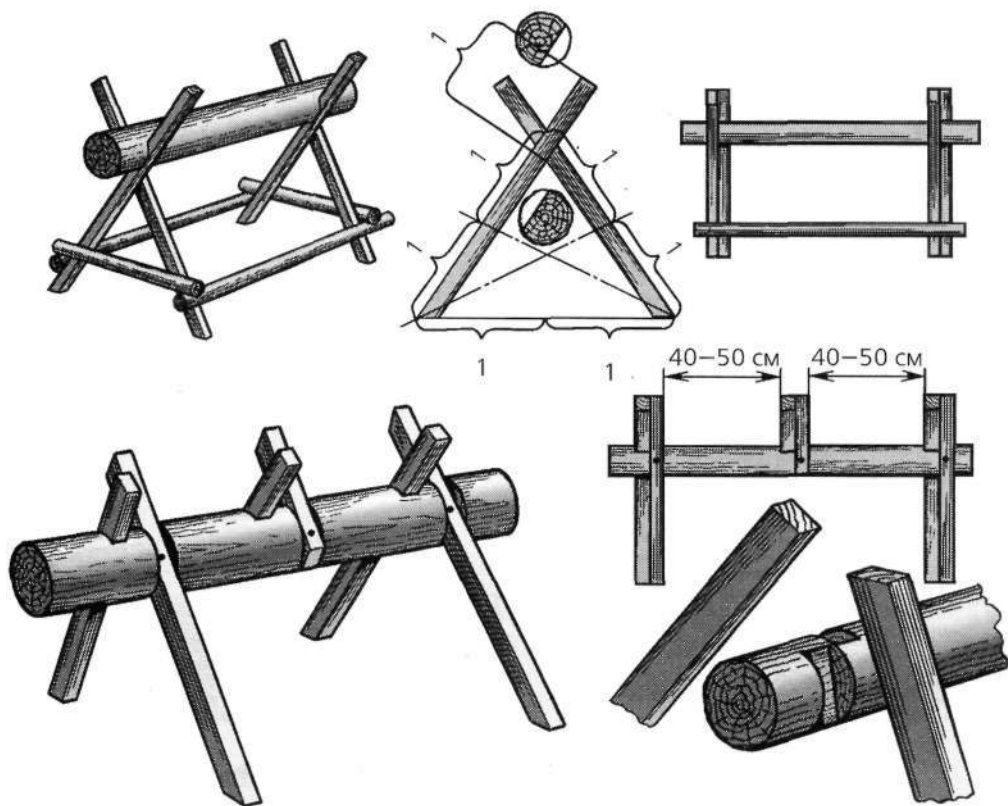

Рис. 53

устанавливает пилу так, что чураки получаются с каждым разом несколько длиннее, чем требуется. За счет этого сокращается количество распилов и пыльщики заканчивают работу гораздо раньше, чем следовало. Но такая «выгода» при распиливании дров может сказаться отрицательно как при колке дров, так и при топке печи. Ведь более длинные кряжи расколоть на поленья значительно труднее, чем короткие, тем более если они еще и сучковатые или же отпилены от комлевой части древесного ствола. Казалось бы, напили коротышей — и проблема с колкой будет решена. Но тогда увеличится количество времени и энергии, потраченное на пиление, к тому же много древесины уйдет в опилки. Поэтому постепенно, путем проб и ошибок заготовители дров во всех уголках России пришли, не сговариваясь, к единому выводу: дело идет более споро, если длина чурака находилась в пределах 9—12 вершков. Из мягкой и прямослойной древесины (ольхи, ивы, осины) пилили более длинные

чураки, а из твердой (дуба, березы) — более короткие.

Как известно, старинная русская мера длины — вершок, употреблявшаяся до введения метрической системы, составляет 4,45 см.

Следовательно, на поленья шли чураки длиной от 40,05 до 53,4 см. Именно такая длина кряжей, а также получаемых из них поленьев, позволяет человеку рационально использовать свои силы и равномерно распределить нагрузки как при пилении дров, так и при их колке. Получаемые при этом поленья соразмерны с топливниками большинства печей, а также наиболее удобны для укладки в поленницы самых различных типов. Обычно на практике эти цифры округляются, и мерки, используемые для измерения отпиливаемых чураков, имеют длину 40, 45 и 50 см. Мерка — это деревянная планка, имеющая на одном конце небольшой вы-

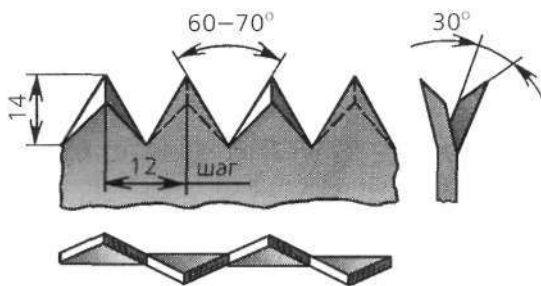
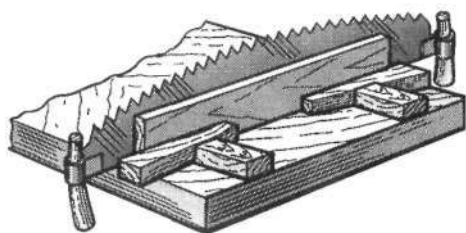

Рис. 54

ступ, который при разметке упирается в торец распиливаемого бревна (рис. 55, а). Чтобы мерку можно было вешать, в ней сверлят отверстие и продевают бечевку. В некоторых северных губерниях России мерки делали из древесной ветки с отходящим в сторону сучком (рис. 55, б). Перед тем как отпилить чурак, мерку прикладывают к бревну и серединой пилы выполняют запиливание. Когда на бревне появится неглубокий пропил, мерку убирают, подвесив ее на одном из рогов козел. Начав пилить средней частью пилы, постепенно увеличивают размах пиления. Каждый пильщик только тянет на себя пилу, стараясь не нажимать на нее слишком сильно. В этом нет необходимости, поскольку нижний край пилы, на котором нарезаны

зубья, изогнут так, что он сама без каких-либо посторонних усилий легко врезается в древесину.

Колка дров. Когда пильщики свою работу заканчивают, к делу приступают дровоколы. Колют дрова на массивной подставке, обычно колоде, отпиленной от самого толстого бревна. Со временем верхний торец колоды от долгой работы покрывается многочисленными насечками от ударов чурачков, колуна и топора. Однако правильно выбранная колода не раскалывается, а стойко противостоит этим невероятно большим нагрузкам. Обычно народные загадки не только образно, но и очень точно передают сущность вещей, окружавших крестьянина в быту. Вот, например, загадка о колоде, на которой раскалывают дрова: «Стоит ба-

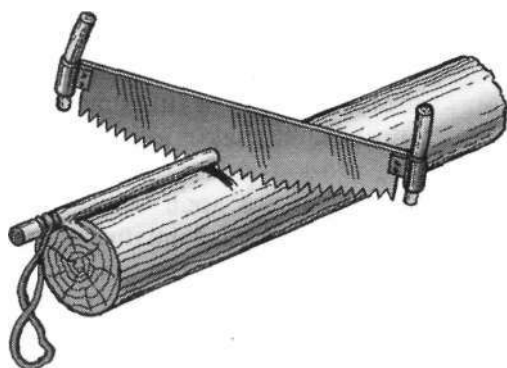
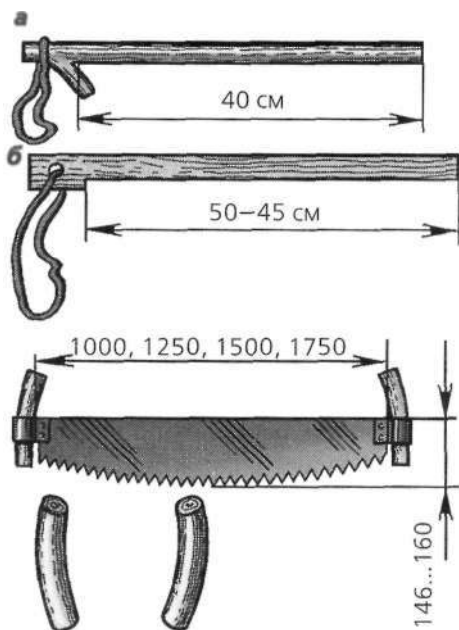

Рис. 55

ран: не столько шерсти на нем, сколько ран». Почему авторы этой загадки сравнивают колоду именно с бараном? Дело в том, что для колоды всегда старались выбрать кряжистый сучковатый участок древесного ствола, который невозможно расколоть случайными, даже очень сильными ударами. Пронизывающие колоду сучки, словно мощные болты, прочно стягивают все ее части. Сучки же, выходящие наружу, часто остаются нетронутыми: с ними удобно при необходимости переносить колоду с места на место. Достаточно иметь совсем немного воображения, чтобы увидеть, что колода с торчащими сучками действительно напоминает какое-то очень знакомое домашнее животное. А упорство, с которым колода противостоит ударам, невольно ассоциируется со знаменитым упрямством барана.

Поставленные на колоду тонкие чурaki раскалывают топором, а толстые — с помощью колуна и металлических или деревянных клиньев. Однако для опытных дровоколов достаточно одного топора. Колка дров — не только довольно тяжелая физическая работа, но и в чем-то увлекательное и даже азартное занятие. Может быть, по этой причине оно привлекало к себе даже царственных особ. Не секрет, что император Николай Второй очень любил колоть дрова. Находясь в Екатеринбурге под стражей в ипатьевском особняке, он очень сожалел о том, что там ему было запрещено заниматься любимым делом, то

есть — колоть дрова. Если Петра Первого называли державным плотником, то Николай Второй вполне заслуживает звание державного дровокола.

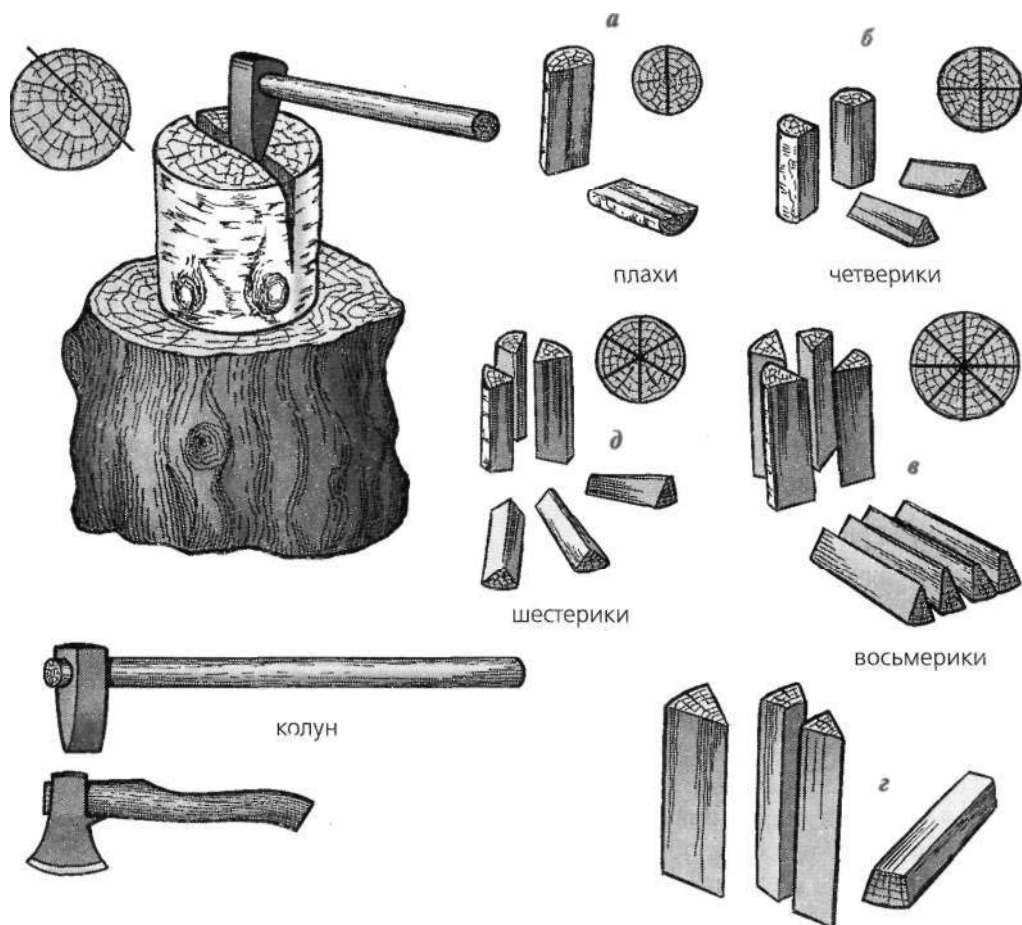
Чтобы успешно колоть дрова, прежде всего необходимо иметь сноровку. Сноровистый человек, даже если он и не отличается большой физической силой, колет дрова так легко, словно щелкает орехи. Человек, не поднаторевший в колке дров, действует, как говорят, методом проб и ошибок. Ударив по чураку топором или колуном как пришлось, он редко попадает с первого раза в ту самую «ловкую точку». На пути топора чаще всего оказывается свиль или сучок. Нередко случается, что сучок, оказавшийся поперек лезвия топора, бывает настолько прочным, что расколоть чурак в задуманном направлении все же не удастся. Тогда топор с трудом вынимают, чурак переворачивают и наносят удар уже с другого торца. Постепенно приходит понимание того, что если в полене есть сучок, то лезвие топора нужно ставить вдоль него, а не поперек, и на том торце, от которого этот сучок находится дальше. При выполнении этого условия полено легко раскалывается, а сучок вскрывается или же остается в стороне от плоскости раскола.

Когда чурак расколот пополам, из него образуются две *плахи* (рис. 56, а). Каждую из них также раскалывают и получают так называемые *четверики*, то есть поленья, составляющие одну четвертую часть чурака (рис. 56, б). Если чу-

рак попался толстый, то каждый четверик в свою очередь раскалывают пополам и получают поленья *восьмерики* (рис. 56, в). Однако, когда дело имеют с очень толстыми кряжами, каждый восьмерик может быть расколот пополам еще раз, только не вдоль сердцевинных лучей, а поперек (рис. 56, г). При таком раскалывании одно полено получится трехгранным, а другое — четырехгранным. Иногда

да плахи раскалывают не на две и четыре части, а на три. В этих случаях из под топора выходят поленья *шестерики* (рис. 56, д).

Горение дров в печи во многом зависит от их длины, толщины и даже формы. Быстро и легко горят тонкие и короткие поленья, толстые и длинные — более медленно, а слишком толстые сгорают не полностью и из них часто образуются головешки.

Практикой установлено, что наиболее оптимальная толщина поленьев, применяемых для топки русской печи, равна примерно 8—10 см. Такие дрова (если, конечно, они сухие) горят достаточно долго ровным жарким пламенем и сгорают дотла.

Сколько бы времени не отняла колка дров, но все равно придет тот час, когда будет расколот последний чурак. После окончания работы обычно высокая гора поленьев громоздится посреди двора, источая терпкий запах свежей древесины. Это признак того, что дрова начали интенсивно подсыхать. Пока на дворе стоит солнечная и сухая погода, дрова держат в горке под открытым небом. Если же зарядят метели или дожди, горку немедленно перемещают под навес, чтобы они там еще немного подсохли. Но если нет такой возможности, дрова укладывают сразу же в поленницу, в которой они будут постепенно продолжать высыхать. О том, как важно умело хранить дрова и лесоматериалы, подчеркивалось еще в «Домострое» — книге, ставшей добрым советчиком для тех, кто вел хозяйство в XVI веке: «А бревна бы и дрова, и доски, и дранку, и щепки, и обрубки досок и бревен, и все разложить в стороне, где удобно, не на дороге; доски же и бревна, и дранку — на подставках, да если еще под крышей,

то это и лучше, чтобы в сухости не зацвело и не подмокло. Если дрова и щепки сухие, тогда хорошо горят — службе только прийти, и взять, и снести, все хорошо, не измазано, да и сам не увалялся».

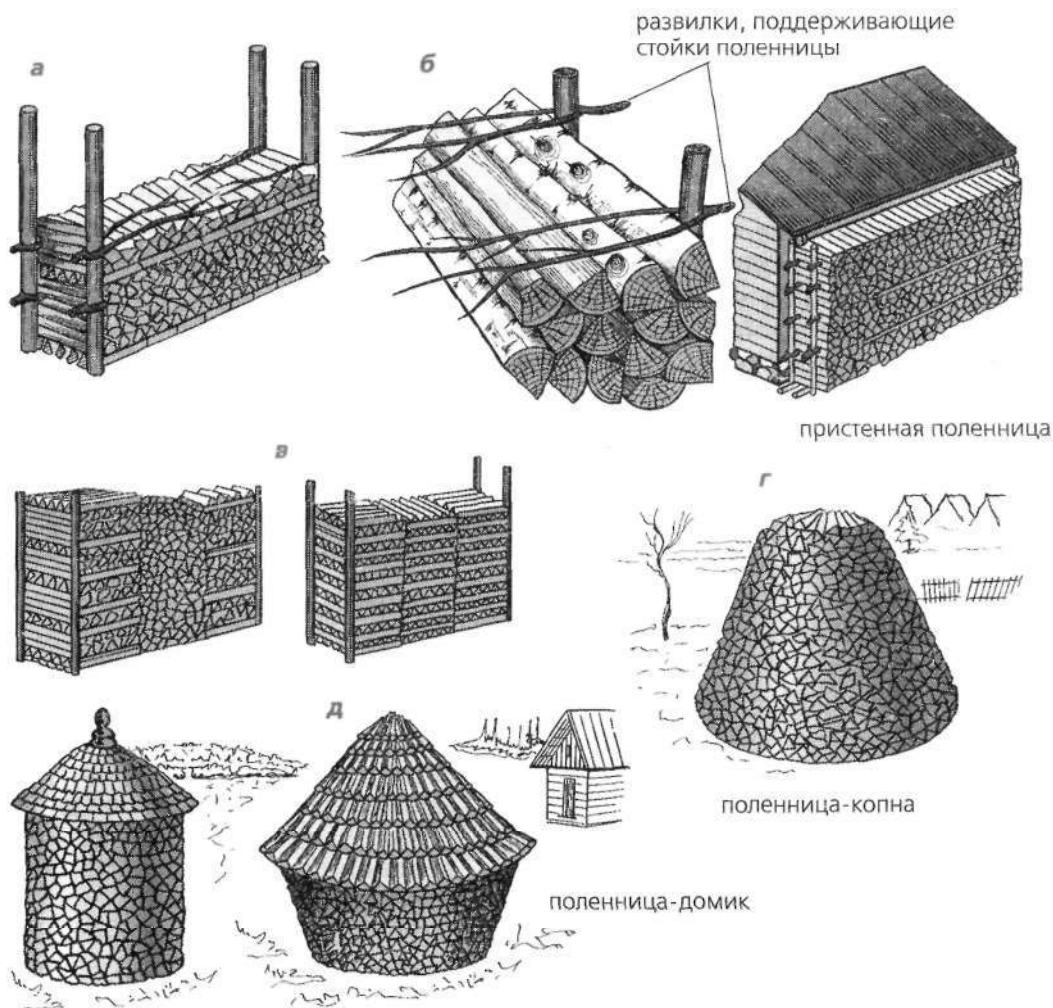
Расколотые на поленья дрова называли раньше *швырковыми*. Каждое такое полено можно взять одной рукой и швырнуть, словно битую при игре в русские городки. Швыряние — это древнейший способ транспортировки поленьев от места, где их заготавливали, до поленницы, в которой их хранят. Если поленница устраивалась на расстоянии одного швырка, то с работой может справиться даже один человек. К месту будущей поленницы постепенно швыряют полено за поленом, когда же образуется достаточно большая куча, поленья из нее укладывают в поленницу. Если работают вдвоем, то один швыряет поленья, а другой их ловит и сразу же укладывает в поленницу. Когда же предполагаемая поленница находится на расстоянии двух швырков, в цепочку становятся три человека. Таким же способом грузят швырковые дрова на телеги, если возникает необходимость их перевезти.

Бывало, ребятишки, помогавшие взрослым, в перерывах между работой устраивали своеобразные соревнования. Поставят полено на попа на расстоянии швырка и стараются сбить его по очереди другим поленом. Усложняя задачу, нередко вместо одного полена ставили три-четыре, складывая их крестиком, шалашиком или

колодцем. Не эти ли детские забавы, за которые порой попадало от взрослых, дали начало народной русской игре — *городкам*.

Поленницы. Поленницу устраивают обычно около стены дома, дворовой постройки или глухого забора. Около стены вбивают четыре кола, которые должны удерживать поленья с двух сторон (рис. 57, а). Чтобы нижние поленья

не оказались на сырой земле, под них подкладывают кирпичи или камни. В поленнице поленья укладывают торцами наружу так, чтобы они были слегка наклонены. Коля, ограничивающие поленья, не должны прогибаться под напором поленьев, поэтому примерно на одинаковом расстоянии друг от друга на ряды поленьев укладывают ветвистые бе-

резовые сучья (рис. 57, б). Их развилками, словно петлями, обхватывают кольца, прижимая ветки верхними рядами поленьев. Этот способ крепления хорошо известен в северных областях России. Чтобы придать поленнице устойчивость, поленья также укладывают в нее «клеточкой» (рис. 57, в). Поленницу продолжают наращивать до тех пор, пока верхние поленья не окажутся под самой стрехой. Если поленница сооружена около забора, то сверху на нее кладут какой-нибудь водонепроницаемый материал, защищающий от проникновения влаги сверху, например листы жести или рубероид.

Когда же выясняется, что дров заготовлено столько, что в стенной поленнице их уложить не удастся, тогда из оставшейся части дров устраивают поленницу на открытом месте, где-нибудь недалеко от дома. Издали свободно стоящие поленницы можно принять за копны сена (рис. 57, г). Подобная форма для поленниц нашими предками была выбрана не случайно. Ведь после того, как поставленную на покосе копну сена обчесывали граблями или вилами, все стебельки луговых трав, находящиеся ближе к поверхности, ложились так, что образовывали подобие кровли, по которой дождевая вода стекала вниз. В поленнице поленья тоже укладывают так, чтобы они имели небольшой наклон. Такие поленницы выкладывают сейчас во многих областях нашей страны. Если, скажем, в Смоленской об-

ласти чаще встречается поленница в форме копны, то в Калужской можно, кроме традиционных «копен», встретить поленницы в виде круглых домиков с вертикальными или со скошенными внутрь стенками (рис. 57, д). Конусообразный верх таких поленниц сооружается из поленьев по всем правилам кровельного искусства. Поленья укладываются по кругу рядами подобно черепице или щепе, с напуском последующего верхнего ряда на нижний. Разумеется, поленница с подобной кровлей, да к тому же и со скошенными внутрь стенками, более надежно защищает дрова от дождя, лучше проветривается, но в отличие от поленницы-копны она менее устойчива.

Размеры поленниц самые разнообразные — от двух до пяти метров высотой. Встречаются и более крупные поленницы, которые скорее можно сравнить со стогами.

Как свидетельствует знаменитая Книга рекордов Гиннеса, самая большая в мире поленница была выложена студентом сельскохозяйственного института из небольшого норвежского городка. Помогая заготавливать дрова родителям-пенсионерам, он сложил поленницу, имеющую высоту трехэтажного дома, то есть 12 м 19 см. Остается только гадать, насколько удобна такая поленница и как с ней смогут управляться пенсионеры.

Красивая и ладная поленница, в которой умело выложены дрова, радует глаз и приносит чувство эстетического удовлетворения не только сложившему ее хозяину. Известный художник-график А. Лаптев не удержался и написал в свое время оду, посвященную поленнице, которая завершалась такими словами:

Овеянные снами древними,
Обласканные непогодами,
Обрезки, бывшие деревьями,
Себя кому-то в жертву отдали.
В них береста на солнце светится,
Как рафинад прозрачно-чистая...
Пленился я тобой, поленница,
Моя поленница лучистая.

От поленницы до печи. С наступлением отопительного сезона высушенные за зиму и лето дрова начнут постепенно убывать. Отсюда их охапками будут переносить в избу, когда придет время топить

печь. Принести в дом охапку или, как говорили в старину, берема дров, не запачкав одежды, практически невозможно. Случается и такое, что сучок или острая щепка, торчащие из полена, рвут одежду и ранят руки. Этих неприятностей можно избежать, если сделать для переноски дров специальную корзину-дровницу. В ней не только удобно переносить дрова, но и держать их у печи во время топки.

Длина корзины-дровницы должна соответствовать длине заготовленных в поленнице дров (рис. 58, а). Из тонких реек такой же длины сколачивают решетчатое прямоугольное донышко. В двух боковых рейках, примерно на расстоянии 30 мм друг от друга сверлят нечетное число отверстий (рис. 58, б). В них плотно вставляют заранее заготовленные ивовые прутья. Обычно острая надоб-

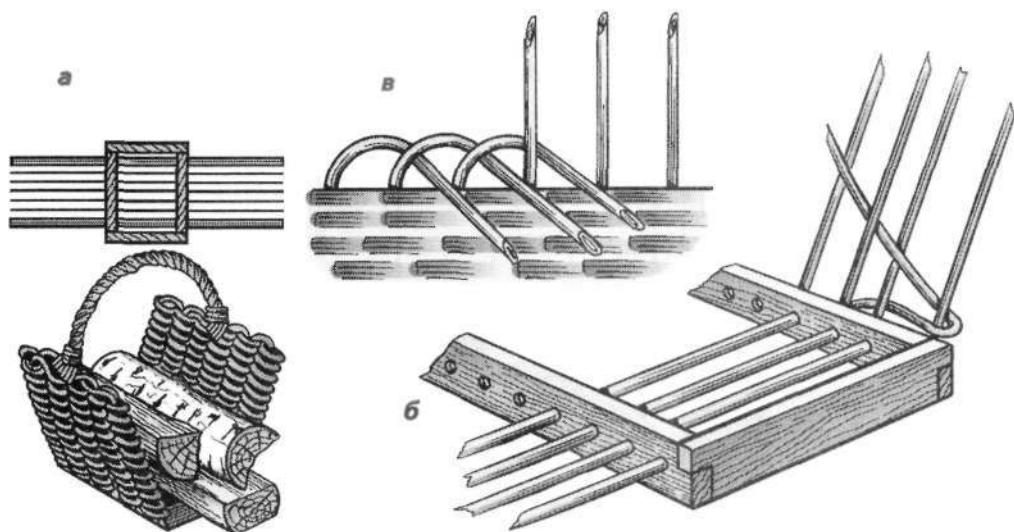

Рис. 58. Плетеная дровница

ность в дровнице возникает поздней осенью. Как раз в это время — лучший срок заготовки ивовых прутьев для плетения. Но при необходимости их можно также заготавливать всю зиму, включая раннюю весну, вплоть до начала сокодвижения и распускания почек. В осенне-весенних ветках мало соку, а древесина в этот период особо прочная и гибкая. Кроме того, в два отверстия, находящиеся посередине, вставляют стальную или медную проволоку толщиной около 5 мм. Изогнутая дугой проволока будет служить основой ручки корзины, на которую при переноске поленьев приходится самая большая нагрузка. Чтобы проволока прочно соединилась с доньшком, ее концы внизу сгибают плоскогубцами. Вставленные в отверстия прутья, называемые *стойками*, сгибают под прямым

углом и переплетают тонкими ивовыми прутьями. Благодаря тому, что число стоек нечетное, плетение можно продолжить и в обратном направлении, огибая прутья вокруг крайних стоек. Закончив плетение, верх каждого борта корзины заделывают в плетевое, поочередно сгибая каждую стойку и заводя ее за соседнюю так, чтобы она оказалась внутри корзины (рис. 58, в). Ручку навивают из пучка тонких прутьев. Всунув комельки прутьев в плетевое, прутья поочередно обвивают вокруг проволоочной дужки. Оставшиеся свободными тонкие концы-вершинки тоже просовывают в плетевое корзины, только с обратной стороны.

При изготовлении дровницы с бортиками из фигурной щепы можно обойтись и без ивовой лозы (рис. 59). Ее каркас состоит из

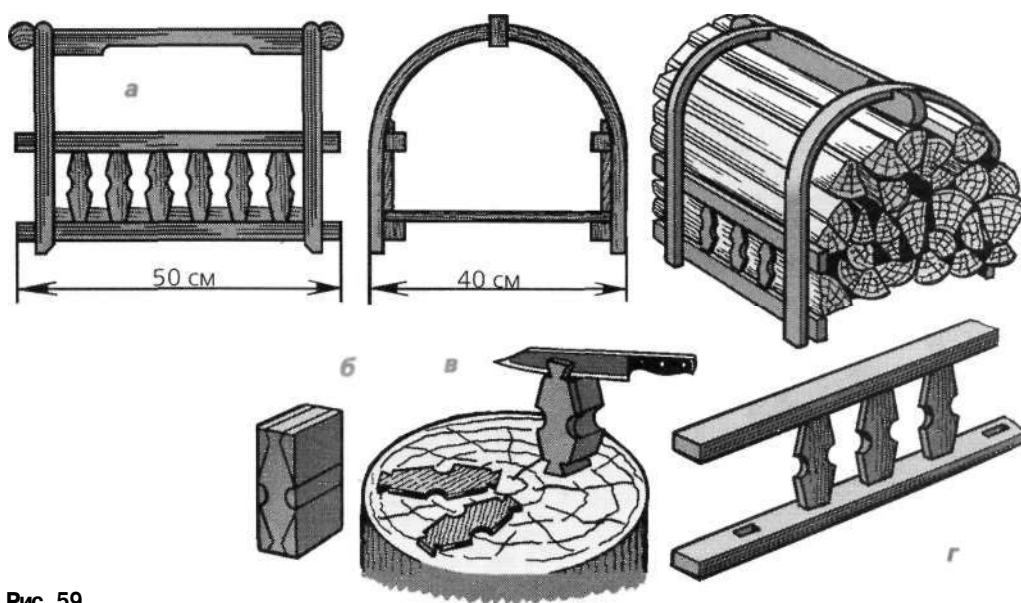

Рис. 59

реек и двух дуг, согнутых из толстых веток березы, лещины (лесного ореха), рябины, черемухи или ивы (рис. 59, а). Чтобы получились одинаковые балясинки для бортов дровницы, заготавливают несколько одинаковых брусков из прямослойной древесины. На одной грани каждого бруска рисуют контуры балясинки (рис. 59, б). Затем, ориентируясь на контуры, с помощью топорика, ножа и пилы выбирают на боковых гранях лишнюю древесину. После этого профилированную заготовку устанавливают на торец чурака и расщепляют ножом на отдельные фигурные дощечки-балясинки (рис. 59, в). При сборке бортов образовавшиеся на концах дощечек шипы вставляют в

гнезда, специально выдолбленные в рейках (рис. 59, г). Рейки бортов крепятся к дугам с помощью гвоздей. Сверху двумя гвоздями фиксируется перекладина, которая используется при переноске дров как ручка. Готовую дровницу можно проморить марганцовкой, а затем протереть олифой.

Красивая дровница с аккуратно уложенными в ней дровами не загромождает пол около печи, хотя в ней умещается столько дров, сколько в охапке можно принести только за два раза. К тому же ладно сработанная дровница украсит кухню и подчеркнет торжественность момента, когда в печи жарко запылает огонь и изба станет наполняться благодатным теплом.

ВСЕГДА ПРИ ПЕЧИ (печной инвентарь)

До поры до времени ютятся в темном подпечке кочерга, ухваты и сковородник, распустив веером концы рукояток. Когда топится печь и готовится обед, они должны быть всегда у хозяйки под рукой. Но когда они побывали в печи и сделали свое дело, хозяйка опускает их в подпечек прямо на землю. Иногда в подпечек насыпают чистый сухой песок. Все это продиктовано выработанными веками неписаными правилами техники противопожарной безопасности. Даже сильно перегревшаяся от контакта с раскаленными углями кочерга, опущенная в подпечек, не представляет никакой опасности.

Обычно комплект печной оснастки состоял из пяти-шести предметов, в который входило две кочерги, три-четыре ухвата и сковородник (рис. 60). Из подпечка выглядывали вроде бы одинаковые на первый взгляд деревянные рукоятки этих нехитрых приспособлений. И только диву можно было даваться, как ловко орудовала ими иная стряпуха, вынимая в нужный момент из подпечка то сковородник, то ухват, то кочергу. Делала она это почти не глядя. Здесь сказывался автоматизм, выработанный многолетней практикой, а также раз и навсегда заведенный порядок расположения рукояток. Да и сами рукоятки, ка-

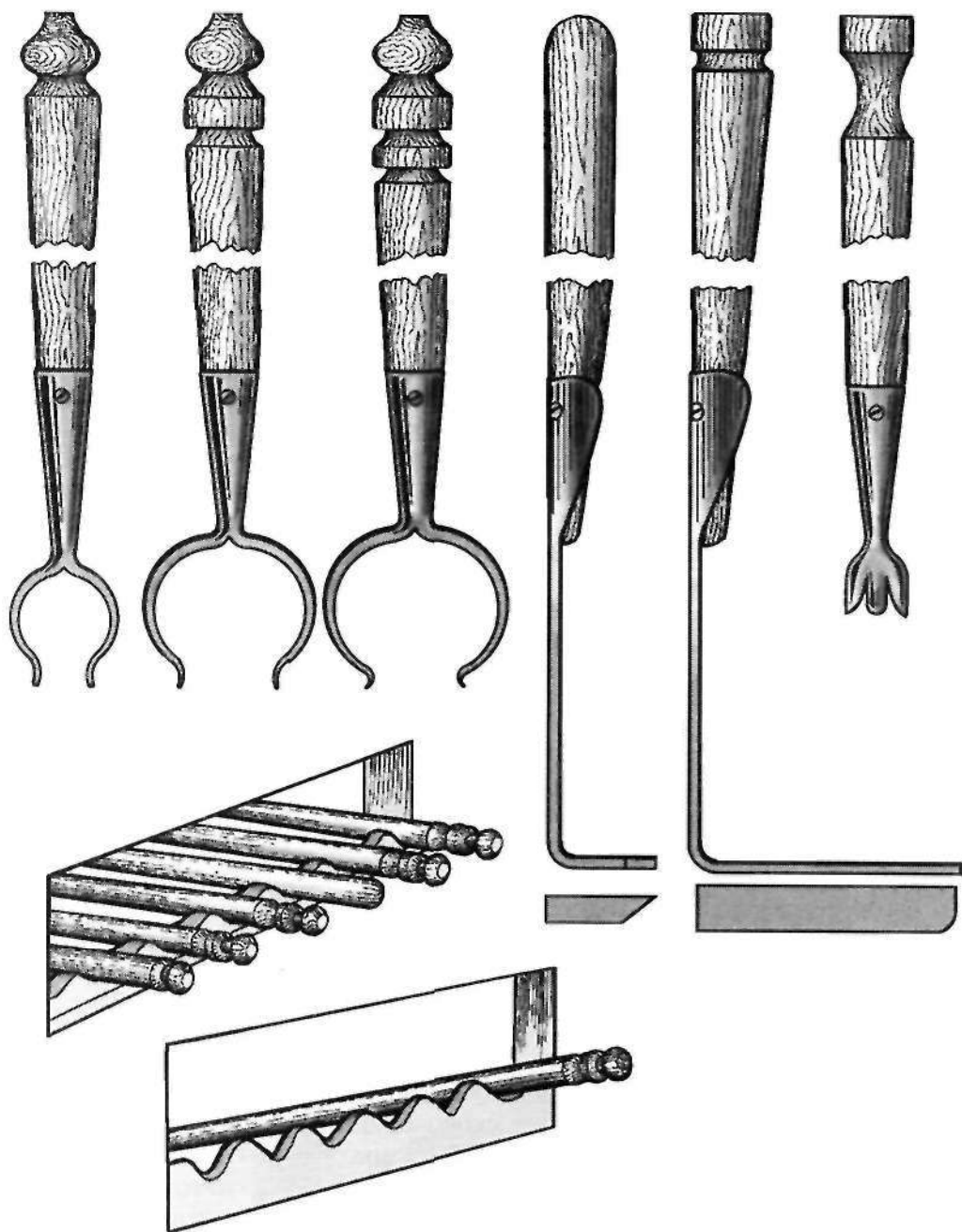

Рис. 60

*К предыдущим
страницам*

К содержанию

*К следующим
страницам*